

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнионъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣСегодня въ Концертномъ Залѣ
Марин Ивановны Долинойконцертъ
извѣстной артистки.
всѣхъ желающихъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (77).

Декабрь. 2010 год.

ВСЕМИРНОМУ КЛУБУ
ОДЕССИТОВ — 20 ЛЕТПриветствие
от московского
"Одеколона"Краткое литературное приложение к ви-
деообращению нашего президента Михаи-
ла Жванецкого

...Кажется, что только вчера Михаил Жванецкий выезжал на сцену театра на белом коне. Кажется, что только сегодня ночью родился гениальный лозунг "Одесситы всех стран, объединяйтесь!". Но оказывается — прошло уже 20 лет. Клуб одесситов за это время приобрел столько друзей, сколько возможно лишь в детстве и юности! Одесситы нашлись везде — даже в далекой Сибири... А кому не повезло родиться в Одессе, как когда-то говаривал Леонид Утесов, 20 лет искали причину, по которой можно было бы стать членом клуба. И что вы думаете? Каждый из них нашел хоть одного родственника, да одессита!

Мы в Москве придумали для таких людей специальную категорию: одесситы по духу. И если бы вы знали, сколько людей в Москве теперь мечтают стать-таки одесситами хотя бы по духу!

Получается не у всех. Но те, у кого получилось, помогают нам, коренным одесситам, временно живущим вдали от родины по экономическим обстоятельствам, учить настоящему чувству юмора тех людей, что нас окружают.

Получается не всегда. Но есть один безошибочный метод: как только произносишь слова *Одесса, Всемирный клуб одесситов* и *Михаил Жванецкий* в любой московской компании, лица у присутствующих теплеют и на них появляются улыбки. Все сразу же начинают спрашивать про Клуб, и мы рассказываем и рассказываем. Остановиться не можем.

Без ложной скромности, считая Всемирный клуб одесситов самым престижным Клубом на земле, желаем ему дальнейшего процветания! Клубиться и клубиться!

Московский "Одеколон": Виктор Лошак, Евгений Ясин, Роман Карцев, Александра Ильф, Иосиф Райхельгауз, Петр Тодоровский, Лариса Удовиченко, Аркадий Мартыновский, Георгий Юнгвальд-Хилькевич, Святослав Пелишенко, Ирина Ратушинская, Станислав Говорухин, Марк Рудинштейн, Давид Смелянский, Александр Ципко, Сусанна Альперина, Геннадий Швец, Нонна Гришаева, Татьяна Лютаева, Ирина Апекумова... и нас еще очень и очень много...

Фото Олега Владимировского

Уважаемый господин Евгений Толубовский!

Одесит Аркадий Чудновский издал в Иерусалиме свою новую книгу "Общая история еврейского образования в Одессе". Думаю, что автор прислал ее вам. Я предлагаю мой отзыв.

История Еврейского просвещения в Одессе

Аркадий Чудновский написал свою четвертую книгу: двухтомник "Общая история еврейского просвещения в Одессе". Изданная в Иерусалиме, эта книга является энциклопедией двух веков очень непростой, иногда очень драматической истории. Литературная работа автора по сбору архивных материалов, их систематизации и представлению привела к созданию удивительной книги. Читатель познакомится с выдающимися деятелями еврейской культуры и просвещения, которые превратили Одессу в главный центр еврейской культуры России и СССР. Можно оценить вклад С.М. Дуднова, Т.Э. Вейнштейна, А.О. Гершензона, А.Р. Когана, С.Т. Фруга, Х.Н. Бялика, И. Клаузнера, М.М. Усышкина, М.Б. Штерна, А.С. Тинскера, Ш.Я. Тиксбергга, Я.Ю. Эйхенбаума, С.М. Туровича, Ш.-Я. Мойхер-Сфорима, Я.М. Зильберберга и многих-многих других. Были открыты учебные заведения как для молодежи с Екатерининской улицы, так и с Карпатышевской. Особенно следует отметить Еврабмал, трудовую школу еврейской молодежи, созданную М.Б. Бернштейном, в которой учились сироты, дети погромов и гражданской войны, а также мальчики и девочки из местечек-штетлов. Они получили рабочие специальности и учили русский язык (идиш был их родной язык), то есть путевку в жизнь. Хотя книга не является политической, А. Чудновский сумел убедительно показать сложные отношения между еврейской общиной и властями, будь то царская с чертой оседлости, процентными нормами, погромами, или советская с ее произволом. Книга включает более двухсот иллюстраций, обширный список источников, а также именной указатель. Аркадий Чудновский написал чудесную книгу. Вы прочитаете ее залпом, а потом много раз обратитесь к ней за справкой.

Александр Тиксберг,
Бостон, США
agliktsberg@rcn.com

Здравствуйте!

Я хотела бы вступить в Клуб для тесного сотрудничества с Крымским регионом, где сейчас я проживаю.

У меня есть интересные предложения, готовые объединить не только одесситов, но и тех, кто любит этот город — Мелитчанку у моря.

Прежде всего, расскажу о том месте, где я живу в Крыму. Это чудесный и живописный уголок возле горы Аю-Даг, так называемый Партиенит, или Партиенит. В переводе с греческого означает "Долина дев". Что касается объединения одесситов и всех тех, кто любит это славный город, то у меня действительно есть много идей. Вот одна из них. Я слышала и читала потом в одной из газет, что в Одессе состоялся первый международный кинофестиваль. Планируется работа по проведению подобных мероприятий в других городах. Я проживаю недалеко от Ялты. Я думаю, что можно было бы подумать и создании кинофестиваля в Ялте с участием одесских кинорежиссеров, актеров. Я знаю, что лучший эксперт по данной части — не кто иной, как один из известных одесских кинематографов Ян Юсим. Есть немало фильмов об Одессе. Не уверена, что на такую "тусовку" смогут приехать Йос Стельлинг. Хотя в Крыму есть достаточно много инвесторов, готовых вложить свои деньги в подобного рода мероприятия. Тем более, я считаю, что это очень серьезное мероприятие. В двух словах о нем не напишешь и не расскажешь. Вы подумайте. Это один из шансов объединить одесситов и тех, кто любит Одессу.

С уважением,
Екатерина

Добрый день!

Не могли бы вы помочь найти вышедший в Одессе двухтомник В. Бабаджана? Я живу в Израиле и совершенно не представляю, как это можно сделать.

С уважением, Марк Ратнер
hilda@yandex.ru

Прочитала вашу статью в Интернете о гетто линкора "Новороссийск".

У меня папа погиб на этом линкоре. Прощу вас, помогите выйти на электронный адрес Совета ветеранов линкора. Хотелось бы найти людей, знавших моего отца.

С благодарностью и нетерпением жду вашего ответа.

Половинкина Елена Ивановна

Здравствуйте!

Я обращаюсь к вам с просьбой помочь мне связаться с Александром Юльевичем Розенбоймом, чтобы я смогла задать ему интересные меня вопросы. Эти вопросы связаны с одесскими еврейскими песнями, а если совсем точно, то речь идет о "Сварьбе Шнейерсона". Я уже очень долгое время безуспешно разыскиваю оригинальную версию нот и полного поэтического текста этой песни. И вот, наконец, мне пришла в голову мысль попытаться связаться с одним из самых авторитетных знатоков одесской истории культуры через Интернет. Ответы на эти вопросы совершенно необходимы для моей научной работы, которая посвящена творчеству Шостаковича (Шостакович цитирует эту песню в своем Первом фортепианном концерте). Я прочла многие публикации А.Ю. Розенбойма в Интернете и понимаю, что только он может оснастить меня самыми надежными и исчерпывающими сведениями по этой теме (например, я очень хорошо вижу, что все связанное с этой песней, доступное в Интернете, не совсем соответствует тому, о чем пишет А. Розенбойм в своем эссе "Ужасно шумно в доме Шнейерсона...", которое размещено сразу на нескольких сайтах).

Я живу далеко от Одессы — на Северо-Западе России, в Петрозаводске, столице Карелии, и у меня нет иной возможности для мобильной связи — только через Интернет. Буду необыкновенно признательна вам, если сможете мне чем-то помочь. И очень надеюсь на это!

С уважением, Анна Зондеревер,
музыковед,

преподаю на кафедре истории музыки Петрозаводской государственной консерватории

Приветствую вас!

Меня зовут Вячеслав Александрович Коваленко. Учился с 1987 по 1997 год в славном городе-герое. Участвовал и в возрождении Юморины...

Хочу вступить в ваш клуб, так как очень люблю этот город и часто (как минимум раз в месяц, а то и намного чаще) в нем бываю, хотя и живу в Рени, на границе с Молдовой и Румынией. Много друзей и родственников живут и трудятся тут.

Мне очень интересна тема одесситов в фалеристике — я коллекционирую значки на тему "Одесса и Одесская область". У меня есть несколько коллег по увлечению, мы общаемся на разных форумах СНГ, встречаемся, обмениваемся значками.

С помощью вашего клуба хотел бы еще больше узнать об Одессе. Естественно, в вашем клубе, наверное, есть и свои значки, которые мне пока еще не попадались.

У меня около тысячи значков в коллекции. Мы с друзьями-собирающими хотим сделать каталог значков, посвященный нашему городу. По-моему, это будет интересно всем одесситам.

Конечно же, есть книга Корченова "Одесса в знаках, значках и жетонах", но там представлены очень редкие предметы, не доступные для коллекционирования простым смертным. Мы же хотим обобщить то, что было выпущено для простых людей. Подобного каталога с фотографиями, по моей информации, пока нет. Были самиздаты с рисунками значков, и они очень помогают в собирательстве. Но для удобства лучше это сделать на современном уровне.

Буду рад общению с единомышленниками, которые точно есть, только либо я не нашел еще их, либо они пока не знают обо мне.

С уважением,

Вячеслав, Слава Коваленко

Спасибо огромное за диск "Они оставили след в истории Одессы" и за газетку.

Спасибо, что благодаря вам нашего отца вспомнили в таком интересном и достойном издании. Наслаждаюсь диском. В наше время среди огромного потока безликой и лишеной всяких эмоций информации этот сборник — отдохновение для сердца, его можно изучать бесконечно. Все очерки написаны с огромной любовью. Еще раз убеждаюсь в том, что память основана на любви. Еще раз огромное спасибо.

Как будет готов сайт линкора, сообщите нам.

С уважением,

Самья Матусевич из Севастополя

Добрый день!

Вчера получили пакет с диском "Они оставили след в истории Одессы". Выражаю свое восхищение вам и всему творческому коллективу этого проекта! Дай Бог, чтобы благодаря этому диску как можно больше людей узнали о самом прекрасном городе на свете — Одессе!

С уважением,

Вячеслав Бондаренко,
Минск

Здравствуйте!

Поздравляю вас и руководящих вами коллектив с выпуском в свет диска "Они оставили след...".

Благодарю за внимание и его пересылку. Желаю здоровья и дальнейших творческих успехов.

Привет общими знакомым и друзьям. С большим уважением,

И.М. Безчастнов

Только что с Таней просмотрели диск. Мы просто в восторге, какие вы молодцы, диск великолепный, все сделано на высочайшем уровне. Большое спасибо всем участникам подготовки диска, огромное спасибо. Я уже не помню, когда я в последний раз получал такое удовольствие. Я под большим впечатлением.

Я обязательно займусь рекламой диска.

С искренней благодарностью,

Вольф Шнайман,
Нью-Йорк

Здравствуйте.

Меня зовут Талина Алексеева, я из Беларуси.

На адрес Всемирного клуба одесситов я отправил посылку. В ней теплые вязаные носочки. Это для замечательного Человека. Зовут его Меченка — Евгений, он живет где-то в Украине, но адреса его я не знаю... к сожалению. Зимой холодно, и я не хочу, чтобы он замерз и заболел.

Поэтому я отправил посылку на ваш адрес — а где же еще поймать?

Он придет за посылкой. Отдайте ему, пожалуйста.

Спасибо.

И надеюсь, не очень вас беспокоила и затруднила.

Если можно, передайте мою просьбу и Талине Владимирской — вдруг вас не будет на месте, а он придет.

От журналиста Снежаны Павловой — от-веть Бел Кауфман, которой в этом году исполняется 98 лет, на передачу ей диска "Они оставили след в истории Одессы".

"...Бел Кауфман написала, что диск из Одессы ей передал консьерж в ее доме. Она благодарит за диск, однако она не могла его посмотреть сразу, поскольку была сильно занята: она готовит новый курс для преподавания в колледже ("Еврейский юмор"). О проекте говорит, что он ее восхищает и очаровывает..."

Прочитал "Справочник". Поражен гигантским трудом и объемом. Очень понравился раздел "Одесса 1869". В целом — потрясающе.

Думаю, как использовать для "Маяка" статьи справочника.

Спасибо!

Михаил Тамьянкер,
редактор газеты "Одесский маяк",
Землячество одесситов Лос-Анджелеса

Посмотрела часть диска... Потрясающе! Необыкновенная работа, и думаю, что такое не сделано ни в одном городе.

Поздравляю с успехом

Илана Раманенко,
Лос-Анджелес
isanaodessa@yahoo.com

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ НАВСЕГДА ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Давно известно, жизнью подтверждено и опытом проверено, что новое — это зачастую хорошо забытое старое. Но точно так же можно сказать, что очень многое старое теперь так хорошо забыто, что никогда уже новым не станет. Примеров хватает, в частности, профессии и занятия людей, и одесских в том числе.

Барабанщик в младенческие годы Одессы состоял при полиции, ходил по улицам и барабанным боем обращал на себя внимание горожан, опосля чего зачитывалось важное сообщение или распоряжение.

Каретник Браун строил экипажи, которые были, как сказал бы Остап Бендер, "не роскошь, а средство передвижения".

Извозчик Береза частенько возил Пушкина на дачу Рено, что была по дороге в нынешнюю Аркадию. К этому занятию допускались лишь мужчины не моложе семнадцати лет, представителями же слабого пола дозволялись только содержать заведения извозного промысла.

Ландкучера из заведения Франца Вернера в экипажах, приспособленных для дальней дороги, перевозили пассажиров из Одессы через Броды во Львов, по-тогдашнему Лембергу, откуда на перекладных можно было добраться хоть до самого Ла-Манша.

Водовозы колесили по городу, продавая колодезную воду или набранную из фонтанов ключей, которые дали название живописным окрестностям: Малый Фонтан, Средний Фонтан, Большой Фонтан.

Разливщик вин в бутылки и укупорщик Сергей Урфалов был занят с утра до ночи, поскольку в старой Одессе дарящий радость напиток всегда имелся в изобилии.

Футлярный мастер Гедде мочил картон, отжимал, формовал, пропитывал растительным маслом, сушил, шлифовал, обтягивал сафьяном или кожей, и получался у него изящный футляр.

Мосье Антуан давал напрокат маскарадные костюмы и не оставался без дела, поскольку дама или кавалер не могли позволить себе два раза подряд появиться в одном и том же костюме, а каждый раз покупать или заказывать новый для многих было накладно.

На базарах располагались "холодные парикмахеры", весь инвентарь которых состоял из двух табуретов. Когда подходил клиент, они усаживали его на табурет и начинали брить или стричь. Но если подходил другой, парикмахер в опасении того, что тот не захочет ожидать своей очереди и уйдет к коллеге, оставлял первого — куда он денется наполовину стриженный или бритый? — и начинал заниматься вторым.

"Холодные" фотографии вешали на улице, чаще всего возле базаров, холст с нарисованным пейзажем и прорезанным овальным отверстием, в которое клиент просовывал голову. Мастер наводил на него стеклянный зрачок деревянной камеры-ящика на треноге, круговым движением снимал и надевал крышку объектива, производил какие-то таинственные манипуляции и вручал еще влажный снимок. И гражданин в пиджачке и мятой кепке лицезрел себя в развешиваемой бурке верхом на лихом коне.

В Городском саду зарабатывали себе на хлеб "холодные астрономы" — ставили телескоп и за плату предлагали публике "ознакомиться с небесными светилами — Венерой, Марсом, Юпитером со спутниками и Сатурном с его удивительными кольцами".

Мадам Штолпе графилы конторские книги. Лопатники, задыхаясь от удушливой пыли, перелопачивали зерно для проветривания его и очистки от примесей в огромных амбарах, именовавшихся в Одессе магазинами.

Биндюжники возили в порт мешки с пшеницей, а оттуда всякие, как их называли, колониальные и товары.

Портовые грузчики бесконечной чередой носили и носили эти мешки по дощатым сходам на парусные корабли, а потом на пароходы.

Прислуга-ключница хранила ключи от всех замков в доме.

"Портретный силуэтчик" Иван Вейс вырезал силуэты до появления в Одессе фотографов.

Пепиньерки, окончив среднее учебное заведение, оставались в нем для подготовки к обязанностям учительницы или классной дамы и для практики занимались с учениками младших классов.

Эрнст Велли в конце 1820-х годов составлял "разных сортов ликеры в продолжении пяти минут, самой лучшей доброты за весьма умеренную плату". Поскольку ликеры так быстро не делают, "произведения" Велли можно, наверное, считать первыми или одними из первых коктейлей в Одессе.

Торговцы вразнос с лотком на перекинутом через плечо ремне ходили по улицам и продавали папиросы, спички, табак, леденцы, лимоны...

Упаковщик И. Славский так паковал зеркала, хрустальную, равно как фарфоровую посуду, часы и другие хрупкие вещи, что все они при переезде хозяина в другой город прибывали туда в целостности и сохранности.

Тапёр Л. Праусс всегда готов был прибыть на бал, танцевальный вечер, куда угодно, лишь бы там понимали, что "без хорошей музыки нет удовольствия в танцах". С появлением кинематографа коллеги Праусса "наяривали" на пианино в иллюзионе "Шантеклер" на Малой Арнаутской, 40, и многих других, сопровождая музыкой демонстрацию какой-нибудь немой, как тогда говорили, фильмы вроде душещипательной "И тайну море поглотило" или нашумевшей "Молчи, грусть, молчи!" с участием королевы экрана Веры Холодной.

Старьевщики, именуемые в Одессе старевщиками, бродили по дворам, оглашая их пронзительными выкриками: "Старые вещи покупайм, старевещ, старевещ!".

По утрам во дворах появлялись молочницы с жестяными бидонами — "Молоко! Кому молоко?!", а в конце дня — "рыбные торговки" "Риба, дамы, риба!!!".

Предлагали свои услуги стекольщики — "Стекла вставлям, стекла!", точильщики — "Точить ножи, но-о-о-жницы!", "паяльщики", которые давали ремонт любой железной посуде — "Пай-ять — почи-няты! Ведры, чайники, миски-и! Каструли починять!".

Фонарики, вышагивая с лестничкой на плече, в положенное время зажигали, а на рассвете тушили поначалу заправленные салом, потом масляные, позже керосиновые и, наконец, газовые фонари.

Какие-то граждане из канифоли, касторового масла, меда или патоки приготавливали липкую массу и наносили ее на листы пергаментной бумаги, а торговцы ходили с ней по дворам: "Липкая бумага для мух! Липкая бумага! Купите, и будете спать спокойно!".

"Котлетчик" Бойченко по кличке Костя Понтовщик продавал полированные медные часы за золотые, и находились покупатели, потому что, как известно, жадность фразера губит.

На вокзале и в порту дежурили комиссионеры второклассных гостиниц, наметанным глазом определяли иногородних и буквально силком тащили их к извозчику, чтобы отвезти в какую-нибудь "Америку" или "Невскую" в Красном переулке, 10.

Мелкие маклеры, "лепетутники", как их называли в Одессе, целый день мотались по городу в надежде заработать хоть какой-нибудь рубль.

Установщик колокольчиков Бонардо подвешивал их в квартирах до появления механических, а потом электрических звонков.

Петр Матвеев делал "дамские черепаховые гребни лучшей доброты и фасона".

Цирюльник Артем Казанцев не только стриг и брил, но "кидал кровь" и зубы вырывал у болящих клиентов.

Лаврентий Певеротти на Ришельевской улице к радости модниц доводил до первозданной чистоты и завивал страусовые перья, из коих были изготовлены боа и веера.

Золотари, которые чистили отхожие места, разъезжали по городу на телеге с бочкой и черпаком, главным своим инструментом. О них когда-то даже анекдот придумали, теперь начисто забытый: "Проезжая после работы мимо Городского театра, золотарь останавливается, чтобы пропустить густой толпой выходящих оттуда кавалеров и дам в нарядных туалетах, и предупреждает своего помощника: "Сильно много людей, смотри, чтобы черпак не украл!". Последнее слово, конечно, было заменено синонимом, соответствующим его лексикону.

Рисовальщик гербов И. Тессен изображал их на бумаге, металлической пластине или деревянном планшете для тех, кто гордился своим родом.

В мастерской С. Глазера "приводили в новый вид" залоснившиеся от длительного ношения соломенные шляпы — канотье, без которых уважающие себя граждане не появлялись на улице даже в разгар одесского лета.

Фейерверкмейстер Иосиф Роджеро зажигал в небе многоцветные огненные картины.

Полотеры исполняли на своих щетках однообразный и бесконечный танец, оставляя за собой до зеркального блеска начищенный "из воском" паркет.

Дмитрий Бацак сидельцем был в монополюшке на Дальницкой, 34, то есть продавцом в казенной водочной лавке, подобно семидесяти другим, главным образом, женского пола, для коих на такой службе соблазна имелось меньше.

Бродячий кукольник с корзиной и легкой ширмой на удовольствие детворы устраивал во дворах представления с Петрушкой — длинноносой куколкой, которую на Юге называли Ванькой-Рутютю.

Паровозные машинисты водили поезда, куда рельсы проложены, а потом возвращались к себе на Ближние Мельницы с неизменным железным сундуком для инструмента.

Кочегары пароходов так забрасывали уголь в топку котла, что он горел так равномерно и весело, а легкий дым из трубы быстро рассеивался в небе над морем.

Таченники перевозили все, что помещалось на их двухколесных тачках.

Братья Кляр зимой заготавливали, а летом

продавали лед для домашних, магазинных и ресторанных ледников, а мальчишки разносили по базарам и улицам "холодную воду с ледом!".

"Телефонные барышни" на Греческой площади, 5, без устали соединяли абонентов: "Барышня, дайте 42-88!".

Слесарь Г.А. Радионов на Садовой, 19, чинил примуса "с гарантией правильного горения".

Лудильщик Рапп покрывал тончайшим слоем олова внутреннюю поверхность самоваров и медной посуды, которую без полуды использовать было крайне вредно.

Продавцы газированной воды считались чуть ли не механиками, поскольку имели дело с сатураторами, баллонами, наполненными углекислотой и снабженными манометрами, следили за давлением газа, и по этой части могли поговорить с Остапом Бендером, утверждавшим, что "на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило".

Приходил во двор шарманщик, крутил ручку, звучала модная песня вроде "Маруся отравилась", обезьянка корчила рожицы, и жильцы бросали из окон монетки, завернутые в бумажку. А на шарманке были нарисованы золотоволосые красавицы в окружении цветов, и лентой шла надпись "Нечада Балковская 191 Одесса" без знаков препинания, как телеграмма в далекое будущее, где ничего этого не будет, одна только грустная песня Александра Вертинского:

Каждый день под окошком
Он заводит шарманку.
Моноotonно и сонно
Он поет об одном.
Плачет старое небо,
Мочит дождь обезьянку,
Пожилого актрису с утомленным лицом...

В конце концов, так оно и случилось...

Татьяна БОНДАРЧУК А в Одессе "мы сойдемся снова"

Я родилась на углу Канатной и Жуковского, в очень старом доме с кариатидами. Бабушка, Софья Львовна Баршак, говорила, что это один из первых домов, построенных в Одессе. Не знаю, насколько она была права.

Появилась на свет я в роддоме, расположенном прямо на территории парка им Т.Г. Шевченко. Он почему-то сейчас закрыт, наверное, на реставрацию. Ожидалась я 10 августа, но в этот день ничего не произошло, и в следующий тоже. Рано утром двенадцатого мама собралась на Ланжерон — стирать ковры. Тут-то ее и скрутило. Страшные боли в пояснице — схватки.

Я начала свою жизнь 12 августа, считай, на берегу моря.

Мама моя окончила к тому времени одесский филфак, отработала по направлению в Измаиле, вышла замуж и уехала с папой

в Ленинград. Он учился там в высшей мореходке. Жили они на квартире. Хозяйка, заметив живот, сразу же отказала им. Папа переехал в общежитие, а мама вернулась в Одессу к родным.

Папа и мама меня, первую, очень любили, гораздо больше младших сестер. Это было заметно даже мне, ребенку, не говоря об окружающих.

Каждое утро мама гуляла со мной в парке. Я была беспокойной, и вот первое воспоминание: мелькает трава, наверное, коляски были низкими, я ору-разрываюсь, внезапно мысль или что-то вроде того в голове младенца: "Отчего я кричу, ведь все так хорошо!". Я усypаю...

К слову, аллеи парка за последние полвека абсолютно не изменились.

В год меня отдали в ясли, этот детсадик,

кажется, до сих пор существует, и мама стала искать работу. Тогда было "перепроизводство учителей", маме всюду отказывали, она это остро воспринимала, плакала, а соседка по коммуналке утешала: "Была бы шея, ярмо найдется". Мы — бабушка, мама, тетя и я — жили в крошечной двенадцатиметровой комнатке на четвертом, последнем этаже. Голуби с окрестных крыш слетались на наш подоконник, я их кормила хлебом. До сих пор не могу понять, как взрослые выжили в таких условиях, детям-то все равно.

В нашем подъезде на втором этаже жил Александр Менделеевич Боренбойм, заведующий театрально-художественного училища.

А во дворе росло одно-единственное дерево — древняя и необъятная акация. Вокруг нее стояли скамеечки, это называлось садик. Утром мама со мной гуляла в парке, а вече-

ром выходила сюда, во внутренний скверик, Александр Менделеевич возвращался с работы: "Ой, какая красивая девочка!" — и давал мне конфету.

Как-то он увидел маму в слезах: "Проблемы?!"

Мама сказала, что не может найти работу. Александр Менделеевич быстро предложил ей свое училище, мама стала преподавать и успокоилась. Подружилась с учительницей кройки и шитья Эмилией Михайловной Юрковой, муж которой написал и издал много книг о войне.

Юрковы часто приходили к нам в гости: на дни рождения и просто так. Александра Менделеевича Боренбойма за глаза почему-то все называли "Мендель". И вот Юрков как-то звонит в училище: "Товарища Менделя можно пригласить!".

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ Дорогие наши Черемушки!

Каждый район, каждый дом в нашем городе имеет свою историю. Что-то было раньше на этом месте, какие-то происходили события, жили люди. Одесские "Черемушки" — юго-западный район города — начал застраиваться согласно плану Н.С. Хрущева быстро — обеспечения советских людей жильем в начале 1960-х годов. Для строительства ничего не нужно было сносить: это загородное степное место в XIX веке предназначалось для выпаса скота, а позднее использовалось как стрельбищное поле многочисленных военных частей, расквартированных в Одессе.

Обжитым и обустроенным как городская окраина издавна был район, ныне называемый 1-й станцией Люстдорфской дороги. В конце XIX века Большефонтанская дорога начиналась там, где заканчивалась Водопроводная улица (район станции Одесса-Малая). Справа и слева по Большефонтанской дороге с конца XIX века располагались новые 2-е Христианское и 2-е Еврейское кладбища. За ними — комплекс исправительных учреждений, новая одесская тюрьма, построенная в 1894 году архитекторами Л.Л. Влодеком и А.О. Томишко в форме креста.

Напротив тюрьмы, сразу за Христианским кладбищем и улицей Лагерной (Парашютная, Бреуса), начинался частный "Древесный питомник" известного городского садовода Льва Николаевича Орликова, занимавший, как видно по карте, все пространство между улицами Лагерной (Бреуса), Кордонной (ныне Малиновского) — тогдашней границей Одессы — и Большефонтанской дорогой.

Интересно, что заставы, расположенные вдоль Кордонной улицы и обозначенные на карте, были остатками третьей, последней черты порто-франко и имели свои названия. Например, застава вблизи Большефонтанской дороги (район нынешней 1-й станции Люстдорфской дороги) называлась "Фонтанной".

Известно, что на первых картах Одессы были обозначены три группы — единственные зеленые насаждения молодого города. Вскоре появились Городской (Дерибасовский), Дюковский сад и множество небольших садов вокруг одесских домов.

Еще в первой половине XIX века появились ботанические сады — питомники, специализирующиеся на выращивании и снабжении одесситов плодовыми, декоративными и лесными деревьями, кустарниками, цветами и т. д. Статью об одесских садоводствах прошлого мы включили в изданный нами в 2009 году альбом "Старая Одесса. Торговля и промышленность".

Питомник Орликова был не единственным в этом районе. Одно из старейших и крупнейших частных садоводств Одессы площадью 100 десятин (109 гектаров) работало в городе с 1854 года. "Обширный питомник С.Р. Роте" находился "...на собственном хуторе, в районе Большого Фонтана и примыкал с одной стороны к Люстдорфской дороге, с другой к Большефонтанской. Телеграфные столбы, проходящие мимо тюремного замка на Люстдорф и на Большой Фонтан, ведут в мои питомники". Такую детальную адресовку сообщал владелец предприятия своим потенциальным клиентам на обложке каталога, изданного в 1913 году.

В глубине улицы Лагерной (Бреуса), "въезд против тюремного замка", приблизительно в районе нынешнего Малиновского рынка, со второй половины XIX века находился еще один древесный питомник, принадлежавший трем братьям Дайбер. Как и другие владельцы питомников, Дайберы участвовали в многочисленных профессиональных выставках, где удостаивались наград высокого достоинства.

Кроме частных от четной стороны нынешней улицы Космонавтов начинался обширный городской питомник с учебным участком школы садоводства Г.Г. Маразли.

Располагался на 1-й станции нынешней Люстдорфской дороги и Шуваловский ночлежный приют — благотворительное учреждение, вмещавшее одновременно около 300 призреваемых, в том числе и детей. Кроме православной церкви при приюте была открыта и еврейская молельня. Несколько таких заведений было создано в разных районах города на рубеже XIX и XX веков под патронатом тогдашнего одесского градоначальника графа П.П. Шувалова и получило его имя в 1902 году.

Шуваловский приют, как сообщили нам старожилы этих мест, дал название этому микрорайону и остановке трамвая на 1-й станции. Причем уже в советские послевоенные времена, когда приют давно уже не существовал, остановку продолжали называть "Шувалова".

Большую часть нынешних Черемушек занимало "Стрельбищное поле", ставшее географическим ориентиром здешних мест. Из названия понятно, что это было учебное поле для стрельб многочисленных военных частей, расквартированных в разное время в нашем городе. Компьютерное совмещение современной и старинной карт этого района одинакового масштаба, проведенное нашим сыном Александром Дроздовским, показало, что стрельбищные валы пересекали центр нынешнего парка им. А.М. Горького параллельно ул. Космонавтов. Остатки возвышенностей сохранились в той части парка, которая примыкает к улице Терешковой.

Пространство внутри черемушкинских улиц: 25-й Чапаевской дивизии, Ицхака Рабина (Якира), Академика Филатова (Новоселов), Космонавта Комарова — совпадало на старинной карте с неправильным по форме четырехугольником Стрельбищного поля.

Очевидно, стрельбы на поле проводились не очень часто, и жители близлежащих предместий в отсутствии военных, сокращая путь, пересекали Стрельбищное поле. Поэтому о дне стрельбищ военное руководство заранее уведомляло градоначальника и через газету "Ведомости Одесского градоначальства" — местных жителей. "Управление 4-й стрелковой бригады уведомляет г-на одесского градоначальника, что в понедельник 31 декабря 1907 года с 8 часов утра на стрельбищном поле будет произведена стрельба молодыми солдатами частей 4-й стрелковой бригады, находящимися в г. Одессе. Об изложенном объявляется во всеобщее сведение, чтобы окрестные жители во избежание несчастных случаев и убытков избегали прохода или проезда через упомянутую местность в указанное время".

Кроме стрельб на поле проводились торжественные парады, и тогда, как писали И. Ильф и Е. Петров в "Золотом теленке", одесситы "катили в пролетках к стрельбищ-

ному полю, на котором был парад частей гарнизона, кадетского корпуса и казенных гимназий".

Смотр войск проводился регулярно, на нем присутствовали высокопоставленные военные чины России, в том числе и император России Николай II. Например, 11 мая 1916 года, в разгар первой мировой войны, императорская чета вместе с детьми и огромной свитой из военных приветствовала и воодушевляла своим присутствием выстроенные на Стрельбищном поле войска: пехоту, артиллерию и кавалерию. Вот как упоминает об этом посещении Николай II в личном дневнике:

"11 мая. Встал в 9 час. Погода была отличная. В 10 ^{1/4} отправились на смотр за лагерь на т. н. стрелковое (стрельбищное) поле. Участвовали: бригада 117 пех. дивизии — 465-й Уржумский и 466-й Малмыжский полки, три пех. полка 1-й Сербской добров. дивизии, 113-я арт. бригада и Черноморский конный п. Войска представились отлично, люди молодцами и лошади тоже хороши. С сербами здоровался и благодарил их, и они отвечали по-сербски!..."

На стрельбищном поле многократно совершались полеты С.И. Уточкина и других пионеров авиации на первых аэропланах, похожих на огромных стрекоз.

Любитель авиации, дальновидный предприниматель Артур Антонович Анатра купил участок земли в степи, за границами Стрельбищного поля, разместив там мастерские по ремонту и сборке самолетов, школу летчиков и школьный аэродром, служивший для учебных и испытательных полетов.

Стрельбищное поле было единственной географической привязкой для развивающегося авиационного предприятия, именно поэтому получило отражение в адресе завода.

Как известно из трудов историков авиационного завода, рядом с участком, облюбованным Анатра, располагались степные дачи, и владельцы завода пришлось применить хитрость, чтобы заставить их продать свои участки, необходимые для расширения предприятия. Нынешнее здание заводоуправления, сооруженное в восточном стиле, — бывшая загородная дача, выкупленная у консула одной из восточных стран.

И поныне Черемушки, как раньше Стрельбищное поле, граничат с авиационным заводом, Школьным аэродромом при нем и современным одесским аэропортом. Поле испытательного Школьного аэродрома сообщалось с организованным в 1920-х годах пассажирским аэропортом и его летным полем. Известно, что 25 мая 1924 года на Украине были открыты первые регулярные пассажирские линии "Укрвоздухпути" ("Украинского общества воздушных сообщений"), в том числе воздушная линия Харьков — Кировоград — Одесса. Позднее были созданы и другие линии, например, авиамагистраль Одесса — Киев — Чернигов — Москва, в пользу строительства которой Комитет содействия Гражданской авиации выпустил интереснейшую серию "авиационных" фотооткрыток.

С начала 1930-х годов полеты по линии Одесса — Харьков осуществлял первый отечественный пассажирский самолет "К-5", разработанный авиаконструктором К.А. Калинин. В салоне самолета могли разместиться 8 пассажиров. Перелет Одесса — Харьков продолжался около 6 часов, включал три посадки: в Николаеве, Кривом Роге и Днепропетровске. Стоимость билета составляла 125 рублей. Понятно, что воздушный транспорт был в то время доступен только избранным, до массовых полетов было еще далеко.

Согласно сведениям Одесского справочника на 1934 год, адрес Одесского аэропорта "Аэрофлота" — Овидиопольское шоссе. Таким образом, нынешний аэропорт фактически находится на месте аэровокзала, созданного в 1920-х годах. Скромное строение "Одесского аэровокзала" запечатлено на одной из коллекционных фотооткрыток "Укрвоздухпути", изданной в начале 1930-х годов.

Благодаря близости этих воздухоплавательных объектов, в год 200-летия Одессы мы наблюдали вблизи своего дома на Черемушках незабываемый авиационный праздник, организованный городскими властями.

Окраины Стрельбищного поля хранят в себе скорбную память о стрельбе не только по мишеням, но и по живым людям, так как эти места использовались как место расстрела заключенных до революции и во время Великой Отечественной войны. Ведь от тюрьмы до Стрельбищного поля было совсем неда-

леко. Известно, что на территории городского питомника растений, начинавшегося на пересечении нынешних улиц Космонавтов и Малиновского и граничившего со Стрельбищным полем, были расстреляны в самом конце немецко-румынской оккупации герои-подпольщики. Место их первоначального захоронения до сих пор можно найти между домами внутри квартала.

Одна из границ Стрельбищного поля проходила по нынешней улице Комарова, за ней находились артиллерийские склады, ставшие печально известными осенью 1941 года. Оккупанты согнали туда около 28000 евреев и военнопленных из одесской тюрьмы и сожгли их заживо. Сейчас на месте гибели ни в чем не повинных людей установлены памятные знаки.

Стрельбищное поле служило для военных целей до 1950-х годов, а скот тут выпасали жители Ближних Мельниц до середины 1960-х годов, когда уже шло строительство "хрущевки".

Строительство типовых пятиэтажек велось по определенному принципу, отличному от плотной застройки кварталов центральной части города: в центре каждого квартала, окруженного четырьмя улицами, находилась школа и один или два детских сада. Для разнообразия среди пятиэтажек в начале 1970-х годов проектировщики "воткнули" несколько типовых девятиэтажных домов.

Типовое строительство существовало всегда: и до революции, и в сталинские времена. Приглядитесь к домам в центре города: многие из них имеют близнецов, стоящих на соседних улицах. Ведь уникальные архитектурные проекты стоили очень дорого и были доступны лишь очень состоятельным людям. И дома, построенные в сталинскую эпоху, имеют лишь незначительные архитектурные различия.

Но хрущевские типовые пятиэтажки были сосредоточены в одном месте, рядом с себе подобными. Их можно было отличить только по цвету плит на балконах, рисункам на панелях или устройству придомовой территории.

Новоселы обустраивали вблизи домов детские площадки, засаживали палисадники деревьями, кустарниками и цветами. Каждый черемушкинский дом окружен зеленым массивом, которые сразу же облюбовали птицы. Поэтому вот уже много лет нас по утрам в теплое время года будит их разноголосное пение. Из окон своей квартиры мы иногда видим дятла "за работой", озабоченных белок, спешащих со своим делом, трещащих длиннохвостых сорок, синичек, воробьев, ласточек и т. п.

Школьные стадионы, оборудованные тренажерами, дают возможность заниматься физкультурой людям всех возрастов.

Черемушки спасли многих одесситов, живших в центральных районах города, от ужасов коммуналок с неизбежными очередями в туалет и ссорам в общей кухне.

Хотя квартиры в пятиэтажках морально устаревают, жители по мере сил их благоустривают. Район разнообразил многочисленные кафе-бары, магазинчики, салоны красоты, парикмахерские, аптеки.

Появились на Черемушках и фонтаны: сначала симпатичный фонтанчик с вертящейся копеейкой на углу улиц Малиновского и Гайдара, у магазина "Копейка", а позднее — уникальный фонтан-комплекс на углу улиц Генерала Петрова и Гайдара, у аптеки фирмы "Интерхим". Директор предприятия "Интерхим" Анатолий Семенович Редер создал не только аптеку с интересным косметическим отделом, но и оборудовал мини-зоопарк внутри и снаружи. Прямо с улицы можно наблюдать за витриной — живым уголком, и наслаждаться оригинальным фонтанчиком перед входом в аптеку.

Этот уголок Черемушек облюбовали дети и пожилые люди, он очень напоминает уютные уголки европейских городов, изобилующие фонтанами.

Новые современные дома с комфортабельными квартирами в разных концах нашего района дают новый импульс, новых жителей и неразрешимые транспортные проблемы.

Сегодня Черемушки нельзя назвать в полной мере "спальным районом". Ведь тут расположено множество престижных магазинов, торговых, медицинских и бизнес-центров, банков, ресторанов и кафе. Транспорт, движущийся по утрам в сторону Черемушек, заполняют тысячи одесситов, работающих в этом районе.

Самый зеленый массив города — одесские Черемушки — продолжает строиться и украшаться.

Аэропорт Школьного аэродрома в 1920-х годах

Галя МАРКЕЛОВА

Как осени благословенье, Прозрачная старость пришла...

13 ЯНВАРЯ 2011 ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ РУССКОМУ ПОЭТУ ОДЕССЫ ИГОРЮ ИВАНОВИЧУ ПАВЛОВУ

Именно русскому, а не русскоязычному, потому что он родился в пору языковой и культурной (хоть и униженной и обскубанной) цельности, и остается в ареале культурной традиции русского стиха, пропуская время жизни старых одесских дворишков сквозь ее вязь. Статья эта (но, естественно, с купюрами из-за печатных площадей) вышла почти пять лет тому, в юбилейный (для нашего поэта — 75!) год в любимой и читаемой одесситами "Вечерке" под заголовком "Витиеватое перо из крылышка спускалось"...

Прошло пять лет, и ничего не изменилось для "Иваныча" — нет ни новой книжки, ни жилья, ни паспорта... А возраст-то — патриарший! А здоровье-то, что уж говорить... Обращения к депутатам ничего не дало, куда им в период бесконечных выборов (с электоратом работать приходится в поте лица!), так что среди властных структур найти спонсора пока не удается. Друзья? Постепенно тают. Нет уже Группа, Дани Шаца, Макса Фарбиновича, ничего не известно о Хайме Токмане...

Да и сам будущий юбиляр стал в позу — "у него период творческой переоценки"... Но ей-богу, так хочется поддержать в руках книгу стихов, хотя бы переизданных, Игоря Ивановича Павлова — замечательного русского поэта, волей судьбы обитающего в Одессе.

Не такая уж большая разница — 12 лет! Но ясно это сейчас, когда твоему кумиру — 75, а вот тогда, когда тебе — 17, любой, старше этак лет на пять, кажется стариком, седым... А манерное приветствие — "Старуха!" — не так уж долго остается бравадой. Может быть, виноват был дым, в клубах которого парил МЭТР? Игорььяныч, Павлов, Диваныч (позывные эти всегда звучали однозвучно). Он восседал, он воспарял на оголенных пружинах дивана, уже воспетого серьезной провинциальной литературой ("Провинциальный роман-с", Е. Ярошевский) в империи легенд о Независимости Духа.

Игорьяныч знал, Павлов умел, Диваныч ведал! О, как умел мэтр строить беседы, невзначай подбрасывая заранее продуманные ходы, как только что пришедшие на ум, этакая хитрость, лукавство факира... (А ну-ка, рифму к слову "пуговица"! К нему, к роднику, устремлялись ужаленные российской словесностью вундеркинды, жаждавшие и славы, и известности, убегая от липкого, полосатого, как артельная карамель, быта картвых молдавских дворов. К нему, к нему, в царство лингвистических изысков! К нему, где ловко микшировались тексты Гурджиева и Ницше с безумием Вейнингера, предсмертным хрипом Марини и реалиями румынской оккупации. К нему, где "Биомицин", расстроенный "Алиготе", под черствый бублик и кильку в дыму "Примы" создавал коктейль истинной жизни, воплощенной в Слове.

Старый дом, не ведающий срама, старый двор, разнузданный, как яма, весь в моче ханыг, в дерьме собачьем, сядем-ка с тобой вдвоем, поплачем, я морщины ветхие разглажу...

Кто ж для нас с тобой придумал лажу? В пуританские времена соцреализма он позволял себе... Он позволял себе *не делать* (не ходить на службу, не высыпаться на профсоображениях...). Не стремиться (в любое "членство", приобрести "Волгу", дачу, сервант...). Но позволял делать со словом, со строкой все мыслимое и немислимое. Это Игорьяныч автор вычурного до невиданной простоты стихотворения (В сочном зареве календул, в закоулках тихих дач я сидел и меж колен дул в громогласный серый мяч). Это он подбрасывал причудливые темы для реанимированного им в колорите старого одесского двора буре.

Да, и он, и все вокруг было с седым налетом старины. Двор, диван, стол, стул, выражение лица его мамы, прячущей доброту под вуалью легкой надменности. Как-то одна из моих приятельниц (бабушкиных "кузин") с таким же выражением лица спросила дворничиху: "Дуся, почему вы, обращаясь ко мне, не говорите "барыня"? — "Помилуйте, матушка, так ведь Гагарин в космос полетел!" — нашлась Дуся. На что любившая во всем искать логические обоснования старушка, подумав, спросила: "А что же, голубушка, лично для тебя изменилось?".

Такое же недоумение проскальзывает порой и в мимике "Диваныча".

Все вокруг него находилось в неприятии розовощекого оптимизма "текущего момента". Все создавало пространство, где словесность была и остается единственным смыслом и утешением.

За каждым словом — тишина,
за каждым словом — боль.
Тут и неверная жена,
и верный алкоголь.

Все превращалось в магическую лабораторию, где заповедь Федора Михайловича утончается до изящества слова, призванного спасти мир:

Да это знак! Да это весть
от муз, от аонид...
За каждым словом что-то есть,
а что — не говорит...

Как-то нобелевский лауреат Октавио Пас дал рецепт, что называть "настоящей поэзией". По Пасу, стихотворение должно подготавливать к тишине, тишина — естественное окончание стихотворения.

(Как в этом случае, после "а что — не говорит" наступает тишина многоточия.)

За видимой простотой стихов Павлова И.И. стоит большая работа, которой предстоит изменить, ну, если не его жизнь, то хотя бы молекулярный состав вселенной. Они (его стихи) многослойны, пропитаны воздухом европейской культуры, как одесские дворы духом акаций и сломанной канализации. Стих его становится изысканным, манерным, выплескивая мелодии романтизма (Туда, туда, где вечер прячет напевы флейт и окарин...) на "пасти ветхих подъездов, за таивших мрак"...

Смещения образов и лиц,
бесчисленна листва.
— Что вы читаете, мой принц?
— Слова, слова, слова...

Культурологический ассоциативный ряд этого миниатюрного стихотворения так велик, что диву даешься: тут и Шекспир, и Сартр, и Мандельштам, и Лорка, и Пастернак, и... настроение тех, "оттепельных" годов.

"Но тем опасней, тем опасней
проникновенье в тишину,
где так невероятны басни
о том, что было в старину".

Природная причастность к российской культуре (собственно и представляющей для него старину) создала невиданное по красоте, по философской глубине, по христианскому смирению стихотворение:

Пройдут и Офир, и Освенцим,
Забудутся Рим и Рени...
И старцы пройдут. И младенцы,
Когда постареют они...
Конец прозираю — в начале
Едва проявившихся дней.
На свете так много печали,
Что можно не думать о ней...
Печаль — и в движеньях, и в позах,
В сплетении душ и имен.
Печаль незаметна, как воздух,
Во всем пребывая, как он.
И послана во искупленье
За бред, за дурные дела,
Как осени благословенье,
Прозрачная старость пришла...

Строки эти написаны давно. Я подозреваю, что еще тогда, в веке прошлом, когда не все битвы с бытом были проиграны. Я встретила его, пересекавшего Привоз, независимого, с гордо поднятой головой, все с тем же наследственным выражением лица.

Было это лет двадцать пять тому, по-моему, тогда и написаны были эти строки. Но с ними произошло то, что и со всеми другими его стихами, которые Бог знает где разбросаны:

Повинуясь высшему порядку,
я своей строкой не дорожу:
то теряю новую тетрадку,
то листок забытый нахожу —

откровенничает поэт. (Даже ритм взят из озорного фольклора, только чтобы всерьез

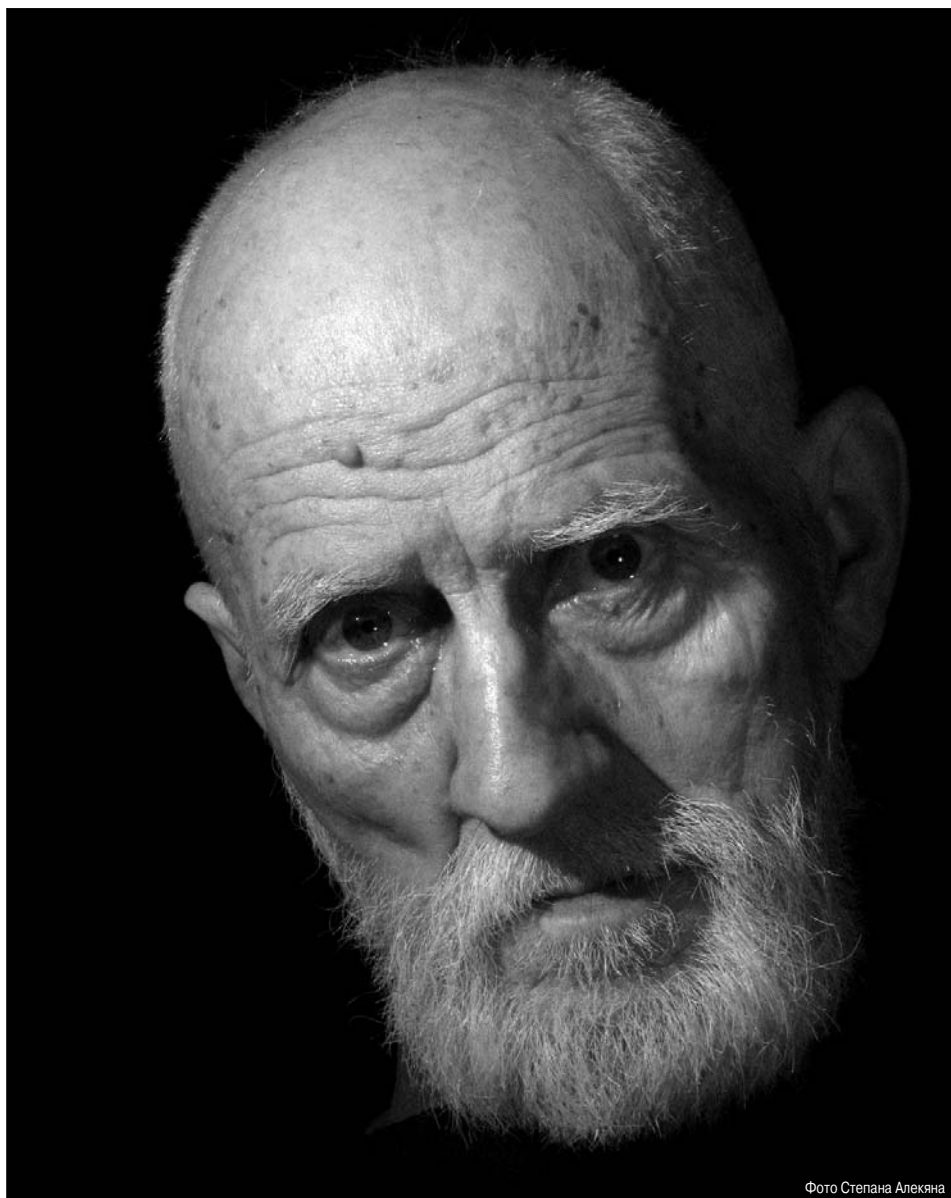

Фото Степана Алекия

никто бы не воспринял!) Вот такое отношение к себе удалось как-то переломить издателю Геннадию Группу и тем "мальчишкам, отбывшим на зов блуждающей звезды". Шел 2001 год — юбилейный, семидесятый. Гриша Резников, Эдвиг Арзунян, Хайм Токман, Толик Гланц и еще много других своей любовью поддержали легенду о независимом поэте. "Снова он принес мне свои "портянки", — ворчал Гена, снимая со сканера пожелтевшие расплывшиеся листки, реанимировал текст, снова пил водку с поэтом и наслаждался возрожденными стихами. Групп издал в своем рождавшемся тогда издательстве "Инга" крошечные первые книжечки Игоря Павлова: "Избранное" и "Еще избранное", которым суждено было разлететься по миру и стать библиографической редкостью сразу же. Но сегодня Гены уже нет...

"Собственно, жизнь не кончается, брат-Кентавр. Трогай землю копытом, поглядывая на нас". Это из стихотворения Б. Херсонского, этаким стихотворной биографии Диваныча, которое напечатано там же, в сборнике И. Павлова "Избранное" (изд. "Инга", 2001 г.). В нем — все, правда. И зияющий котлован на месте прошлого. И потерянное жилье, вслед за которым затерялся и паспорт. И смятые листки новых стихов, и...

Дня за три до Нового года (2006) мы стоим с Игорьянычем на трамвайной остановке на Соборке. Двое потрепанных стариков, мы громко по причине глухоты обсуждаем шансы на получение Нобелевской премии, вспоминая и Бродского, и Бунина, и Агуеро, и Октавио Паса... Толпа редет из-за абсурда, вырастающего вокруг нас. Эту ситуацию он как будто предвидел:

Черно-белые Птицы Абсурда
Издаваясь, вдали пропоют:
Мир окончен...

Но в этом же стихотворении есть и такие высокие строки:

...Не отравит наш дух и сознание
Окаянное слово "абсурд".

И над краем, что смят и поруган,
Будет гром, грянет сладкий раскат.
И разнимутся вещице руки,
Научившись, как надо ласкать.

Вслушайтесь, какая очищающая гроза Всевышней Любви проливается на вас! Я талдычу, что на Премию кто-то должен представлять, что нужны еще книги, нужен заинтересованный издатель, деньги, в конце концов... Павлов не сдаётся — он уверен, он ждет... Может, и дождетсЯ. Ведь такого озорного, эротичного и наполненного чистой любовью (в то же время) стихотворения нет ни у кого!

Покой кивает олеантрам,
вдыхает флору дальних стран...
И ты уснешь. Тогда за кадром
Восстанет розовый фонтан.

Вот вырос — властен и безвластен,
Как тополь стройный, озорной —
Смешенье грез и снов, и страсти,
Пропавшей утренней зарей.

Моих сомнений порожденье,
Он — подтвержденье, он — ответ,
Что ты чиста до пробужденья,
Пока тебя в сем мире нет...

Так хочется надеяться, что в нашем городе найдутся любители поэзии, способные почувствовать вместе с Поэтом:

Живу на том пределе,
Когда не нужен звук,
Когда в притихшем теле
Опять очнулся Дух...

...и тогда уж точно получится...
Получай, город, своего нобелевского лауреата!

P. S.
Я все еще надеюсь на тебя, мудрый читатель...

Осень 2010

Алекс РАПОПОРТ

Дина Калиновская — вынужденное молчание

Жизнь прозаика Дины Калиновской похожа на роман с петляющим непредсказуемым сюжетом. Многолетняя дружба связала ее с актрисой Людмилой Абрамовой, вдовой В. Высоцкого. Это интервью взято в музее "Дом Высоцкого на Таганке", где прошла недавно выставка, рассказывающая о судьбе писательницы.

— Людмила Владимировна, с какого момента вы знаете Дину Калиновскую?

— С начала 1967 года. Дина появилась в Москве в конце 1966-го, и поскольку жилья у нее тогда не было, жила у своей знакомой Карины Филипповой. Карина была и нашей с Владимиром Семеновичем знакомой, вместе они учились в Школе-студии МХАТ. Она Дине бесплатно предоставила комнатку без окна рядом с кухней, и Дина была очень довольна таким пристанищем.

— Какой это адрес?

— Это был угловой дом на пересечении Садового кольца и Хомутовского тупика, по легенде, в нем когда-то жил Булгаков. Квартира помещалась в полуподвале, но обе, хозяйка и ее квартирантка, гордились тем, что живут в доме, где Булгаков писал "Театральный роман". Уж не знаю, тот ли это дом, но Хомутовский тупик упоминается в романе.

— Что известно о семье, где она родилась?

— В ее свидетельстве о рождении записано: Дора Мешалимовна Берон, родилась 7 апреля 1934 года в Одессе. В семье ее всегда называли Дина, так все звали в школе, а потом и во взрослой жизни. Когда уже в Москве в связи с замужеством она меняла паспорт, записала: Дина Михайловна Калиновская. Этим именем подписаны все ее публикации в Москве.

Бероны до войны — большой разветвленный еврейский род, множество тетушек, дядюшек, двоюродных и троюродных братьев. Отец Дины Мешалим Берон работал провизором в аптеке. Мама Мария Исааковна окончила до революции гимназию, то есть получила хорошее образование. У нее была прекрасная память, она знала языки, ей можно было задать любой вопрос по истории русской классической лите-

ратуры — она тут же отвечала. Когда началась война, Мешалим настоял, чтобы Мария с семилетней Диной и трехлетним Жорой эвакуировались. Мария не хотела, но Мешалим ее буквально заставил уехать. Всех своих близких он уговаривал уехать. А сам остался в городе.

— Они не понимали, чем грозит оккупация?

— Да, многие не понимали, просто не знали... Во-первых, после пакта с Германией наша пропаганда ничего не сообщала о репрессиях, грозящих евреям. Во-вторых, нападение было неожиданным, начались бомбежки, и не все желавшие могли уехать, приоритет был у крупных предприятий, осуществлявших организованную эвакуацию сотрудников. В-третьих, на Одессу наступала румынская армия, и от румын одесситы жестокостей не ожидали. Но вслед за румынами пришли немцы.

Мария Исааковна с детьми оказалась под Ташкентом. Дина потом, когда стала писателем, в этих местах бывала. О Мешалиме долго ничего не было известно. Он числился без вести пропавшим, поэтому, вернувшись в Одессу, Марии не удалось получить пенсию по потере кормильца. Много позже, уже в 70-е годы, стало известно, что Мешалим Берон отдал из аптеки все лекарства и перевязочные средства одесским подпольщикам, и в первые же дни оккупации был повешен немцами. В 45-м году квартира на Канатной, где семья жила до войны, была уже занята другими жильцами. Но Марии хотелось остаться в доме, где прошла молодость, и она сумела получить там комнатку. Она устроилась экономистом в парокходство, благодаря своим исключительным способностям справлялась с этой работой, и на одну зарплату содержала себя и детей. Когда ее оставшиеся в живых

братья и сестры вернулись в Одессу, они чем могли старались помочь. У некоторых были дети постарше, и Дина с братом часто донашивали за ними одежду. Ходили в обносках и были вечно голодными. Одно из своих детских платьиц Дина сохранила как память о том времени.

— У нее безрадостные воспоминания о детстве?

— Нельзя сказать, что безрадостные. Это из наших дней те времена с их скудным бытом могут показаться безрадостными. Как и многих предвоенных и послевоенных детей, испытания ее закаляли и отчасти сформировали. Она была непослушным ребенком, озорницей. А в школе — активной пионеркой, неплохо училась, и кроме того, занималась спортом. Лет в 12-13 она увлеклась художественной гимнастикой, с мячом, с лентами, это тогда только-только появилось. Еще не существовало Всесоюзной федерации художественной гимнастики, Дина была из гимнасток самого первого призыва. Спортивная секция вывозила девочек-гимнасток на сборы, их посылней, чем дома, кормили, что помогало матери сводить концы с концами. Дина занималась у балетного станка, чувствовала музыку, прекрасно танцевала, все это ей скрашивало жизнь. Кроме того, в школе у нее обнаружили способности к черчению и конструированию.

— Возникает образ очень гармоничного человека. И музыка, и спорт, и техническое черчение... У многих что-то одно развито в ущерб остальному.

— Да, ей все было внятно. Она очень музыкальна, поэтому хорошо танцевала, и гимнастика ей давалась легко. У нее была изумительная фигура с тончайшей талией, красивые руки... Она выезжала на подростковые соревнования и с успехом выступала. В средней школе она училась недолго. После седьмого класса поступила на полторагодичные курсы конструкторов-чертежников. Окончив, пошла работать в судостроительное конструкторское бюро. И вскоре начала предлагать различные технические усовершенствования, ей прочили в этом КБ большое инженерное будущее.

— То есть в 14 лет она окончила 7-й класс, около двух лет училась на курсах, и работать начала в 1950-м году, шестнадцатилетней. В одесский университет или в политехнический институт она не поступала?

— Нет, не пошла. Хотя все в роду считали, что она, получив трудовой стаж, должна продолжить учебу, и что инженерное дело — ее стезя. Работа дала Дине независимость — у нее появились заработок и свободное время. В конструкторском бюро она начала писать. Вначале писала небольшие рассказы для многотиражки КБ и для одесской молодежной газеты. Первыми были рассказы о детях во время войны, о том, что им заменяло игрушки, как и во что они играли. Дина быстро перезнакомилась с творческой молодежью города, литературной и театральной. Ее тянуло к театру, она дружила с молодыми — и актерами, и актрисами, ходила на все новые спектакли и вынашивала идею написать пьесу. Среди этой молодежи была актриса Татьяна Солошек, выпускница Московского театрального училища. По Москве, а затем и по службе в театре на "целине" Татьяна была знакома с Кариной Филипповой, соученицей Владимира Высоцкого в Школе-студии МХАТ. Отслужив два года на "целине", Карина вернулась в столицу, а Татьяна обосновалась в Одессе. Благодаря этим актрисам наметилась связь Дины с Москвой. Все, что Дина предлагала одесскому театру, было необычным, не вписывалось в советский театральный канон и отвергалось с порога.

Карина рассказала Олегу Ефремову, руководившему "Современником", что в Одессе есть замечательный начинающий драматург Диночка Берон. У Дины была к тому времени готовая двухактная пьеса по мотивам рассказа А. Толстого "Гадюка", а также собственные драматургические сюжеты, над которыми она работала. Ефремов написал Дине, выразил желание посмотреть ее пьесы. В связи с этим письмом Дина предупредила на работе, что увольняется, и сказала маме, что едет в Москву. Мария Исааковна пришла в ужас и ответила, что Дина никому там не нужна, что все это — "пустые тщеславные мечты", и что она не даст ни копейки на дорогу. Но к тому времени в Одессе уже бывал дядя Гриша, их американский родственник, весьма обеспеченный человек, позднее описанный в повести "О суббота!". Он их всех задал. У Дины были меховая шуба, роскошные кофты и многое другое в те годы, когда американская одежда в Советском Союзе приравнивалась к чему-то невероятному, невиданному и неслыханному. Динка все это на толкучке продала и на вырученные деньги рванула в Москву. Какое-то время пожила у родственников Та-ни Солошек, а потом Карина ее взяла к себе.

Поначалу ее очень хорошо приняли в "Современнике". Дина очаровывала людей.

— Расскажите, как она выглядела.

— Она небольшого роста, легкая, тонконогая, волосы красоты неопишеской — выющиеся, смоляные с блеском, и если она их не завязывала, они создавали вокруг головы чернокудрявый ореол; громадные темно-янтарные глаза и длинные ресницы. У нас была затея: укладывать поперек ресниц спички, у кого больше, так вот, Дине можно было положить шесть спичек. Брови у нее стремились вверх, к вискам, их окончания прятались за прядями волос. Треугольное личико, небольшие скулы, чертами лица она напоминала Софи Лорен. Мягкий бархатный голос, сияющая улыбка. Когда мы познакомились, она была приветлива, открыта, ко всем расположена, очень смешлива. Хохотала она заразительно.

У нее — очевидно, это с детства шло, — ни к кому не было зависти. Хотя была своего рода нищенская гордость. В тот период Дина была нищая до ужаса, она же все продала, что

было от дяди Гриши. Оставила только брошь и браслет с рубинами, которые периодически закладывала и выкупала в ломбарде. И при этом — приветливость, легкость, независимость. Из старого детского одеяла она сшила себе пальто, бог знает из чего выкраивала платочки, сшивала лоскутные шарфики — и это ее ничуть не унижало, наоборот, она гордилась своей бедностью. Пальто было из светло-голубого полшерстяного материала, если на него капало с крыш, то оставались пятна, и Дина ходила по краю тротуара рядом с проезжей частью, чтобы не доставала капель.

— **В "Современнике" поставить пьесу не удалось?**

— К сожалению, инсценировка "Гадюки" Ефремову не пригодились, он искал пьесы о современности.

— **То есть Ефремов вызвал ее, только чтобы прочесть пьесу, без всяких со своей стороны обязательств?**

— Да, это так. Но возвращаться Дина не собиралась. Она тут же предложила Ефремову другой, собственный сюжет. Из него она вскоре сделала монопьесу "Баллада о безрассудстве" — о солдате, защитнике Одессы, еврейском мальчишке, который остался один во время боя за город. Он выбрал чердак, куда противнику нелегко добраться, башенку с тремя окнами, отстреливался из пулеметов и сумел на какое-то время задержать оккупантов. История его последних часов одновременно трагическая и веселая. Он чувствовал свою силу, его радовало, что он, как плотина, задерживает вражеский поток. Чтобы не было одиноко, он нарисовал на стене башенки громадного дога, которого мечтал купить. Дина использовала в этой пьесе одесские легенды военной поры.

Но в "Современнике" посчитали, что это не привлечет зрителей. Тогда на всю Москву шел только один моноспектакль — молодой Саша Калыгин играл в "Записках сумасшедшего". Карина предложила показать пьесу Высоцкому: он сейчас премьер на Таганке, Любимов для него поставит... Она позвонила в театр, Володя в перерыве между репетицией и спектаклем забежал домой, и вместе мы помчались знакомиться с Диной.

— **Вы тогда в каком театре работали?**

— Я тогда уже сидела дома с детьми. А Володя к тому времени сыграл в "Павших и живых", в "Десяти днях, которые потрясли мир", сыграл главную роль в трехчасовом спектакле "Галилей" по Брехту, получил за него премию "Лучший актер года". До этого он снялся в главной роли в картине Говорухина "Вертикаль". У него уже было положение, а вот всеобщей народности, славы, одиозности и связанных с ними запретов не было и в помине.

Конечно, Дина с самого начала произвела на нас яркое впечатление. Она прекрасно рассказывала свой сюжет, Володя тут же включился, они начали импровизировать на два голоса. Володя собирался написать для спектакля "Балладу о погибшем старшине", ввести свои уже написанные военные песни. Вдвоем они стали развивать пьесу. Володя рассказал о ней Любимову, но Юрий Петрович наотрез отказался. Дело в том, что на Таганке уже шел спектакль "Павшие и живые", постановка 65-го года по композиции, которую Любимов написал вместе с Давидом Самойловым о судьбах поэтов на войне. Володя там играл и Чаплина, и Гитлера, и поэтов — работы ему хватало.

В это время Стасик Говорухин был в Москве, фильм "Вертикаль" должен был выходить на экраны. И Володя предложил ему сделать из одесского сюжета сценарий: "У тебя сейчас будет простой. Давай вместе напишем...". Станислав Сергеевич прочитал пьесу и увлекся, он решил, что кино будет смотреться выигрышнее, чем спектакль, потому что можно показать куски военной хроники, нашей и трофейной, снять реальную Одессу, достроить натуру, чтобы получился панорамный обзор из башенки, ввести военную технику... Сказано — сделано. Вскоре они отослали на одесскую киностудию сценарий, который Дина написала при участии Владимира Высоцкого и Станислава Говорухина. И получили отказ, дескать, пессимистично, главный герой гибнет... Может быть, то, что главный герой и последний защитник города — еврей, тоже сыграло роль в таком решении...

Кто угодно бы сдался, но не Дина. Она сделала вариант для ТВ, и Высоцкий показал инсценировку замечательному режиссеру Леониду Аристарховичу Пчелкину, работавшему тогда в литературно-драматической редакции Центрального телевидения. Пчелкину тоже понравилось, он пошел по начальству, но вскоре получил отказ.

Время идет, ни одной копейки заработать Дине не удается. Карина тоже без работы, у нее болела дочь, требовался уход, служить ежедневно она не могла. Живут, как птицы небесные. Вместе они нашли работу в Рузе, там был Дом культуры, где Карина устроилась режиссером народного театра, а Дина — руководителем детского хореографического кружка. На этой работе они были заняты раз в неделю, приходилось далеко ездить и после репетиции ночевать в Рузе. Какое-то время они существовали на эти заработки. А потом Карина вышла замуж, собралась менять квартиру, уговорила кого-то из знакомых заключить с Диной фиктивный брак, чтобы она получила прописку и могла бы устроиться на работу в Москве. Тот человек согласился не бескорыстно; пришлось продать последний американский подарок, золотой браслет с громадными рубинами и с алмазами в платиновой оправе — это была вещь! Получив прописку, Дина моментально устроилась конструктором в КБ цветной металлургии. Жить было негде, но работа появилась.

— **Где же она поселилась?**

— На "Водном стадионе" жила старушка, коммунистка с дореволюционным стажем, ей тяжело было выходить, покупать продукты, и она взяла к себе Дину, чтобы ухаживала, уход и был платой за комнату. Небольшая зарплата в КБ не позволяла жилье снимать. По впечатлениям из конструкторского бюро на придуманный сюжет Дина написала новую пьесу: конструктор-альпинистка идет в горы, там гибнет, а мужчины-сослуживцы ее вспоминают, каждый из них был к ней неравнодушен. Занятная пьеса.

Ну, а далее события развивались быстро. С Диной к тому времени я стала очень дружна, знала о каждом ее шаге, как и она о моем. Она перестала быть Володиным соавтором, но стала моим самым главным другом. С Владимиром Семеновичем мы расстались, я переехала на Беговую, в квартиру рядом с метро "Динамо", это близко от "Водного стадиона", и мы виделись с Диной почти ежедневно. И вот я снялась в каком-то телеспектакле для премьерной в СССР трансляции цветного телевидения, и Дина пришла смотреть. Кто-то

из соседей дал цветной телевизор, своего не было. Пришли моя младшая сестра с подругой и наш к тому времени хороший друг художник Калиновский. Посмотрели мы в цвете эту ерунду, попили чаю, Гена ушел первым, и Дина в дверях, застегивая свое пальто из одеяла, мне говорит: "Пожалуйста, сообщай мне, когда у тебя бывает Геннадий. Я хочу за него выйти замуж". Моя сестра и ее подруга расхохотались, дескать, на что она претендует, эта нищая провинциалка. Через неделю Дина стала женой Калиновского.

— **Всего неделя ей на это понадобилась?**

— Ничего удивительного я тут не вижу. Мы с Владимиром Семеновичем всего-то два часа были знакомы перед тем, как решили пожениться. Удивительна была только Динина смелость, как она решилась сказать такое при двух молодых красивых девчонках! Они были значительно моложе ее, ухаженные, прекрасно одеты и считали, видимо, что это ими, а никак не ею может заинтересоваться художник.

— **Какой это был год?**

— Шестьдесят девятый. Познакомились в марте, семь дней спустя она к нему переехала, а расписались они в сентябре. Ей ведь еще нужно было расторгнуть фиктивный брак, а тот человек не давал развод, потому что его дом собирались сносить, и на двоих — перспективная молодая семья! — он мог бы получить большую площадь. Но тут уж Карина как-то на него надавила, пригрозила, застрашала, и он сдался.

— **Для Калиновского это был не первый брак?**

— Да. Геннадий был на пять лет старше Дины, к тому времени разведен, дочка осталась с женой, он жил один. Купил кооперативную квартиру, довольно дорогую по тем временам, обустраивал ее, был свободен и вроде бы не собирался ни на ком жениться.

— **Он был уже известен как художник-иллюстратор?**

— Перед тем у него одна за другой вышло несколько очень удачных книг, сборник японских сказок "Земляника под снегом", "Винни-Пух" в соавторстве с Борисом Диодоровым, еще что-то. Это позволило Геннадию купить квартиру в центре Москвы.

Дина произвела на него сильное впечатление. Он очень быстро понял, какой она писатель. Стиль, язык, внутренний ритм прозы он чувствовал, может быть, еще лучше, чем лирию и цвет, поэтому и стал хорошим иллюстратором. Перед тем как приступить, он не просто ознакомился с сюжетом, он влезал в книгу, как актер в роль. Погружение могло длиться дней десять: он уходил в себя, не общался с внешним миром, а как бы вчувствовался в прочитанное.

Когда Дина к нему переехала, она только-только стала задумываться об истории ее мамы и дяди Гриши. Из этого потом и родилась повесть "О суббота!", в ее основе подлинные события, случившиеся в Одессе в семье Берон. Дина начала рассказывать мужу, что хочет написать, а Геннадий говорит: "Зачем ты рассказываешь? Надо работать. Садись и пиши". А она в это время ходила на службу в свое КБ, и туда надо было являться к восьми утра. Когда Дина написала первую главу, страничек шесть на машинке, и прочла нам, Гена сказал: "Ты должна уволиться с работы и писать. Это роман века".

— **Тема повести была ему близка?**

— Не тема, а качество прозы ему понравилось. Еврейской крови у него не было, все в роду русские, только дед со стороны отца из польских дворян. Задолго до революции дед был выслан из Польши в Россию, осел во Владикавказе, женился на русской женщине. Гена родился в 1929-м в Ставрополе, отец его умер вскоре после рождения сына. Еще шла война, когда Третьяковская галерея организовала лицей-интернат для одаренных подростков, Гена лет в 12-13 был туда отобран, приехал в Москву, жил в общежитии при Третьяковке. После лицей он с блестящим окончил художественный институт имени Сурикова. Художники Кибрик и Дехтярев порекомендовали его в "Детгиз", где он много и успешно работал.

— **То есть он дал Дине Калиновской не только фамилию, но и возможность писать, не думая о заработке.**

— Да, он ей сказал: "Все, увольняйся, не зарабатывай ни копейки. Пиши роман века". Дина писала быстро, но много переделывала, возвращалась, вычеркивала. Каждую фразу она строила, как инженер-конструктор строит изыскный механизм. Мне с первых же страниц страшно, до кома в горле нравилось, что она пишет. Поначалу она читала новые главы сама, а потом мы завели привычку, я стала читать вслух, губам и языку доставляло удовольствие артикулировать такую исключительную прозу.

— **Как долго она писала "О суббота!"?**

— Начала она в январе 70-го года, а закончила в 74-м. В тот год была сделана окончательная редактура, в этом виде повесть существовала сегодня. Пока повесть писалась, Геннадий работал над двумя книжками Валентина Катаева, которые выпускал "Детгиз": "Маленькая железная дверь в стене" о Ленине во Франции и "Волшебный рог Оберона" — автобиографическая проза по детским воспоминаниям; обе вышли с изысканными графическими иллюстрациями, с гениальными, как бы незавершенными черно-белыми "почеркушками". Валентин Петрович Геннадия очень ценил. Вместе с Диной они у Катаева бывали, познакомились с его дочерью Женей и с ее мужем Ароном Вергелисом, главным редактором журнала "Советиш Геймланд". В этой компании Геннадий как-то сказал, что Дина пишет прозу. Катаев уже не был тогда редактором "Юности", избегал молодых писателей, никому не предлагал: "Дайте, я прочитаю", — к нему с этим подойти никто не решался. Язва был редкостная, так мог отшить, что человек запоминал надолго, вдобавок жена Эстер, как рыцарь, стояла на страже его спокойствия. Катаев себя чувствовал молодым писателем, завершил уже детскую эпопею про Петю и Гаврику, у него появилась другая, качественно новая проза. Ему хотелось писать самому, а не заниматься чужими незрелыми опусами. А Вергелис заинтересовался: "Дайте, я прочту". Прочел и показал Валентину Петровичу: "Вот где литература!". Тот неохотно взял папку с рукописью, начал читать и увлекся. Позвонил Геннадии и сказал: "Я думал, что Диночка — ваша жена, а оказывается, это вы — муж Дины Калиновской".

Некоторое время они совещались, как это лучше издать. Идеальным вариантом было бы отнести с рекомендацией Катаева в "Новый мир". Но Вергелису — там же еврейская тема — хотелось издать повесть у себя. Надо сказать, что "Советиш Геймланд" был непочитаем в литературных кругах, считалось, что после разгрома еврейской литературы в СССР он существует, как декорация, и публикуют там кондовые образцы соцреализма. Это было не совсем так. Вергелис хотел публиковать в своем журнале хорошую прозу, он

ухватился за эту повесть и сказал Дине: "Я вам пришлось переводчика". И в 1975 году во втором и третьем номерах "Советиш Геймланд" повесть была опубликована под заглавием "Старые люди" без упоминания переводчика, без указания "перевод с русского", как будто Дина написала это на идише.

— **Как отнеслась к этому Калиновская?**

— Ей хотелось опубликовать — она согласилась. Сразу после публикации Катаев предложил русский текст "Новому миру", но там сказали: "Нет, первая публикация должна быть у нас, пусть теперь "Советиш Геймланд" издает это по-русски в ежегоднике "Год за годом". А что еще есть у вашей Калиновской?".

К тому времени уже был готов ее "вологодский" рассказ "Парамон и Апполинария", Валентин Петрович предварил его кратким предисловием, и рассказ опубликовали в 4-м номере "Нового мира" за 1976 год. Он написан раньше, чем "О суббота!". Летом 73-го года, закончив иллюстрации к "Алисе в стране чудес", Геннадий вместе с Диной поехал отдыхать в село Ферапонтово, туда, где фрески Дионисия. Они сняли горницу в избе над озером, а когда возвращались в Москву, Дина в поезде придумала сюжет. Апполинарией звали хозяйку избы, а сама история вымышленная.

— **С двумя журнальными публикациями она могла вступить в Союз писателей?**

— В Союз писателей стояла очередь. Для вступления в Союз молодой писатель помимо журнальных публикаций должен был участвовать в семинарах, в совещаниях молодых авторов, и самое главное, — издать первую книгу. После публикации в "Новом мире" Дину начали приглашать на писательские конференции, а ездить она любила. "Литературная газета", отметившая в обзорной статье "вологодский" рассказ, предложила ей написать очерк. И этот материал, за который Дина Калиновская получила премию "Литературной газеты" "Лучший очерк года", стал главным несчастьем ее жизни.

Ей предложили писать очерк о депутате Верховного Совета СССР от Узбекистана. Он возглавлял крупное комплексное хозяйство, возникшее на базе совхоза, у которого были крупные перерабатывающие фабрики и мастерские, где целые артели занимались народными ремеслами. Увешанный орденами директора этого огромного богатого хозяйства звали Ахмаджан Адылов. Дину там приняли по-царски, ввели в курс дела, ей интересно было снова побывать в Узбекистане, где она с близкими жила в эвакуации. Теперь она знала другие стороны этой жизни, в частности, что у состоятельных узбеков существуют гаремы, и это считается в порядке вещей. Адылов был из очень высокого клана, чуть ли не потомок Тимура, при очень больших деньгах, в очень сложных отношениях с узбекским партийным лидером Рашидовым.

Дина написала, какой Ахмаджан руководитель, как хозяйство организовано и выглядит, пропела хвалебную песню, и была в этом вполне искренна. Теперь о таких руководителях говорят: успешный менеджер.

— **Все развивалось у нее вполне благополучно.**

— Она написала еще два очерка для "Литературки", уже сама могла выбрать тему, очерки тоже были премированы. В 1980 году "Дружба народов" опубликовала повесть "О суббота!". Издательство "Советский писатель" заключило с Диной договор на книгу прозы. Повесть перевели на эстонский, чешский, румынский, немецкий и японский языки. А потом началось узбекское "хлопокное" дело.

— **В чем же обвинили Адылова и при чем тут писательница?**

— Он стал фигурантом дела в начале восьмидесятых годов, был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму. То есть находился в заключении недалеко от Дининой квартиры. Обвинили его во всем сразу, и обвинения были просто чудовищные. "Литературная газета", как только Адылова посадили, от очерка отреклась. Следовательно было сказано, что газета такой очерк не заказывала, и что этот выбор на совете внештатного автора Калиновской. К Дине приезжали сыновья Адылова, в надежде, что у нее могут быть связи, знакомства с адвокатами. Сыновей вскоре тоже посадили. А Дину привлекли по делу как свидетеля. Следователь хотел доказать, что Адылов взяткодатель, и что она писала заказанную и заплаченную им статью. Показаний против нее никто не дал, их и не могло быть, но как только Дину стали вызывать на допросы, прекратились публикации, гонорары, "Советский писатель" остановил работу над книгой, Дину перестали пускать в ЦДЛ. А до этих событий распался ее брак, длившийся около двенадцати лет. Детей у них не было. Геннадий, как бы откупаясь, оформил Дине дарственную на квартиру, оставил в ней все, что было, и ушел, женился на другой женщине. И Дина оказалась одна в безвоздушном пространстве.

Два такие удара, конечно, сильно на нее повлияли. Геннадий в этой ситуации ее не предал, он приезжал, помогал деньгами, покупал продукты, когда она не хотела или не могла выходить из дому. Но сильнейшую моральную травму она получила и надолго перестала писать. Замкнулась, больше не предлагала свои сочинения редакциям. Единственный, кто в середине восьмидесятых вопреки всем печатал ее, был Арон Вергелис. Благодаря ему появились новые переводы в "Советиш Геймланд", а в 1985 году ежегодник "Год за годом" опубликовал по-русски ее рассказ "Рисунок на дне".

— **Следующая публикация состоялась только в 2007 году, "Текст" в рамках серии "Проза еврейской жизни" издал "О суббота!" отдельной книгой. То есть молчание длилось более двадцати лет.**

— Да, это так. Но все-таки книжка успела выйти при жизни автора. Когда в декабре 2007-го редактор "Текста" Людмила Тарасова привезла ей авторские экземпляры, Дина была уже безнадежно больна. Она бережно, как новорожденного, взяла свою книгу и погладила обложку.

Дина Калиновская умерла 26 сентября 2008 года в Одессе в семье брата. Свой архив она передала ближайшей подруге Л.В. Абрамовой, у которой он находится сейчас. В нем хранятся напечатанные в журналах и не собранные под книжной обложкой "Парамон и Апполинария", "Колодец без воды", "Любовь в мандариновом саду", "Рисунок на дне" и другие рассказы, а также неопубликованные рукописи. Все это ожидает исследователя и издателя. В последние годы писательница работала над сочинением с рабочим названием "Золотые купола, или Московская прописка". Лаконизм, сочетание лиризма и иронии, острой наблюдательности и сострадания к своим героям позволяет говорить о Дине Калиновской как о продолжателе чеховской традиции в отечественной прозе.

Вера ЗУБАРЕВА

А все же она вертится!..

А все же я верю, что у Одессы есть солнечное завтра вопреки некоторым прогнозам погоды, обещающим затяжную облачность. Не может город, основанный на идее свободного рынка, на уважении к коммерции и искусствам (!), превратиться в пыльный уездный пригород с ментальностью заезжего обывателя.

Знаю, знаю, дух города истончился, уже нет того колорита, в атмосфере ментальная озоновая дыра... И все же... Одесса, открывшаяся мне этой весной, порадовала значительно больше, чем Одесса, которую я оставила в 1989-м. О каком духе шла речь тогда! Идешь, а впереди и сзади шеренги серых улиц на поселке Котовского, ветшающий центр города с мухами на прилавках и безликими чиновниками там и сям. Друзья здороваются на бегу и ныряют в вагоны поезда, уносящего их в Чоп. Никакого просвета, полный развал.

А еще раньше, лет за десять до того или пятнадцать, — коммунальные семьи, мамы, цокающие по разбитому асфальту с авоськами. В общепитовских столовых царят явно антиодесские настроения среди поваров. Ни прожевать, ни переварить подобного никто не в состоянии. Не говоря уже о гастрономах, по которым одесситы ходят, как по кунсткамере с заспиртованными уродами редких продуктов... Только Толчок и цветет еще наравне с Привозом. Но той Одессы, которая у Бабеля, с ее артистизмом, капиталистической направленностью, уютным миром рестораничков, или той, что у Пушкина, с блеском дворцов полусказочных и лукоморьем, все равно не было.

Прощалась я больше с литературной Одессой, по ней же и грустила, к ней возвращалась памятью и в снах, о ней писала. А настоящая тем временем росла, ширилась, и все чаще доносились слухи о ее небывалом расцвете до тех, кто по ту сторону океана. Точь-в-точь, как в "Сказке о царе Салтане" — "в свете ж вот какое чудо"... Почти теми же словами.

Приземлилась с замиранием сердца. Самолет грохнулся оземь (о, родной аэродром!), и посыпались катигорошками одесситы к таможене, где нужно было сперва заполнить какие-то карточки, а потом уже трясти чемоданы. Смысл вопросов на карточке мне давался с трудом, и сердобольный милиционер вместе со мной все терпеливо заполнил, пока никого уже в том зале не осталось, кроме нас. А потом перечитал все, что сам написал, вздохнул и отпустил меня, покачав головой, в большую жизнь. В соседнем зале моя бывшая однокурсница хмуро не узнала меня, вещи потребовала бросить на просмотр, удивленно взглянув на единственную сумку через плечо. А оттуда — прямо в объятия дорогой и любимой подруги.

Галине Безикович

1

Что-то к прошлому мы давно
Не наведывались в дом тот ветхий.
Мяч луны угодил в окно.
Там сквозит на лестничной клетке.
Там, как черный, парадный ход —
Кто-то пил и семечки лугзал.
И облезлый шкодливый кот
Втихаря выживал мусор.
Как кощеев ларец на цепях,
Лифт скрипел и качался очень.
А взамен золотого яйца
Он соседа вываливал к ночи.
Ворковало за стеной кино,
И рассветов еще было вдоволь.
Что-то прошлое мы давно
Не проведывали. Здорово ль?

2

Лунный свет бродил по берегу,
Гребни теплых волн очерчивал.
Карту сказочной Америки
Рисовал прибором подсвеченный.
Спали дети в дальних странствиях.
Покрывалось небо звездами.
И в его безбрежном царствии
Только боги были взрослыми.
То и снится, что аукнется
В памяти, где мы — вчерашние.
Где уводит к морю улица
Чуть запавшей черной клавишей.
Там сидим на побережье мы,
Временем не опечалены,
И следы детей по-прежнему
Скачут буквами печатными.

3

Дверь толкни и входи, не стой,
Не прислушивайся, как дует
Ветер в комнате полупустой.
Там никто не живет, не думай.
На столе тот же луч косой
Та же ваза со дня рождения.
Тот же час на часах — шестой.
И вдоль кресел — две наших тени.

Где я очутилась, я так и не поняла поначалу. Похоже было на сон, но даже и не мой. Архитектурная фантазия тех, кто застроил старые и новые районы Одессы, не просто поразила, но и дала понять, что происходит возрождение духа города, того самого, который витал над необитаемыми землями будущей Одессы два с лишним столетия тому. Тот город, по словам Елены Каракиной, "будто вырос из-под земли" стараниями энтузиастов под предводительством "герцога с мускулами грузчика", который "использовал для строительства Одессы все или почти все достижения урбанизма, наработанные человечеством к XIX веку". Новая Одесса идет тем же путем. Она не повторяет старой, но преемственность — не в подражании прошлому, а в устремленности в будущее.

Сегодняшним одесситам предстоит не только отстроить свой город, но и бороться за то, за что боролись их далекие предшественники — за возможность его развития, за беспошлинную торговлю, за внедрение новаторских идей, за преодоление косности мышления чиновников, за то, чтоб замороженные новостройки на холмах не стали Карфагеном. Увы, у людей нет денег, чтобы выкупить свои квартиры, и это таки да плохо. Одесситам сегодня предстоит найти своего Дерибаса и своего Ришелье. Без этого Одессе не возродиться из пепла, не стать Жар-Птицей.

В отличие от города Петра, город Дерибаса был построен не на костях, а на любви, и это определило его атмосферу, его солнечную ментальность, его творческий и свободный дух. Двигаясь вперед, Одесса не должна удаляться от этого исконного принципа, заложившего фундамент города-мечты. И сегодня ей нужны дерибасы, которые бы так же искренне любили ее, а не карабасы, которые бы бездушно пользовались ее.

Так я думаю, пока постепенно распознаю улицы, захожу в дивные рестораны — дивные не только по кулинарному мастерству, но и по выдумке дизайнеров, соорудивших целый мир из каждого рестораничка. "Компот", "Дача", La Terrazza... Каждый — неповторим, каждый — театральное действо, включая и работников, легко, с юмором, профессионализмом и нескрываемой гордостью рассказывающих об истории своего ресторана и отличительных особенностях его кухни.

Вот где витает творческий дух — живой, не надуманный, не наигранный! Стряпуха свергнута, безликий общепиток больше не сыщешь, да и тетя Клава отправлена куда подальше от прилавка, к которому я лично всегда подходила, как неопытный дуэлянт к барьеру, — никогда не могла запомнить название двух одиноких колбас на витрине и третьей под прилавком... Этому пришел конец. Тебе улыбаются, тебя любят, и ты отвечаешь тем же, понимая, что без тебя не будет процветать ресторан, дом, улица и, не дай Господь, аптека!

Но моя Одесса все же литературная. Литературное кафе "Мастер и Маргарита" стало первой остановкой. Там состоялось знакомство с Людмилой Шаргой и Семеном Абрамовичем, гостеприимство которых было равно их литературному таланту. В "Мастере и Маргарите" стихи читались легко, как дома, в кругу дорогих друзей. И они действительно присутствовали там, в кафе, мои дорогие друзья, о которых думала и которым посвящала стихи.

Евгению Голубовскому

Ничто не дается так трудно душе,
как стихи.
Особенно те, что растут из нее, а не сора.
Я снова иду, приглушая немного шаги,
И ждет меня свет за дверями
в конце коридора.
Войду, расскажу, что с утра
небеса развезло,
И было по ним продвигаться
задачей нелегкой.
Что рельсы двустийший
уперлись в туман как назло,

И выйти пришлось
на какой-то другой остановке.
А там — бездорожье,
и все незнакомо опять.
Бродила, и слякоть одну развезла
по тетради.
А он мне в ответ:
"ничего", — мол, "стихи написать —
Не жизнь беречь.
И столетия, бывало, не хватит".
И выудит вечер из облака рыбку-звезду.
И спустимся в жизнь мы на лифте,
и буду я праздно
Пирожное с чаем вкушать
в той столовой внизу,
Садиться в трамвай и вздыхать,
Что в стихах — все сложнее. Гораздо.

А потом была "Зеленая лампа" — праздник встречи со знакомыми и незнакомыми талантами в студии Евгения Голубовского. А в мою бытность такой роскоши не было. Был только детский сад на том же квартале, где сегодня красуется Всемирный клуб одесситов, и приходилось рифмовать на ходу, по дороге в садик, и без всякой возможности почитать стихи на обратном пути Голубовскому или Кохрихту...

Одной из волнующих встреч была встреча с Анатолием Венгруком — редактором "Моряка Украины". Год назад отправила ему письмо по электронной почте, рассказав вкратце об отце и предложив очерк о нем с дневниками и записками. Честно говоря, на ответ не надеялась, а уж на положительный и подавно. Материал был объемным, частично выходил и во "Всемирных одесских новостях", и в "Вечерней Одессе", но предлагаемый очерк был гораздо обширнее и включал дневники. Ну кто же отдаст столько места в газете, когда редакторы борются за выживание, и каждая пядь газетного листа сдается в аренду под рекламу или саморекламу?

— Это нереально, — говорили мне друзья, знакомые с обстановкой в газетах.

"Но ведь и судьба моего отца, "лоцмана на трубе", была из области очевидного невероятного", — подумала я. И решила попробовать. Получила несколько отказов, и вдруг —

Уважаемая Вера Кимовна!

Спасибо огромное за очерк. Разместим в ближайшем номере. Очень трогательная история. Я слышал о "Моздоке" от начальника Воронцовского маяка Ивана Тимофеевича Циховича. Он работает с 55 года и до сих пор. Но о лоцмане на трубе слышу впервые. Спасибо и за хорошие слова в адрес нашей газеты.

С уважением, Анатолий Венгрук, редактор.

Так мы и подружились. А впоследствии был опубликован еще более обширный очерк в девяти номерах газеты. Он включал и дневники, и копии документов, и фотографии из семейного альбома. Все было сделано с любовью, не формально. Так "Моряк" стал гаванью для "Лоцмана", а Венгрук — моим журналистским братом, как он сказал после того, как отснял очень эмоциональное интервью со мной для его программы "Морские истории" на телеканале "ОК".

Должна сказать, что все мои последующие интервью в Одессе начинались вопросом об отце, о фильме, посвященном ему, который я привезла, и этот интерес одесситов к своей истории только еще раз подтвердил: Одессе — быть! И как факт — в этом году вышла в свет и получила диплом на международной книжной ярмарке "Зеленая волна" электронная книга "Они оставили след в истории города". Этот замечательный проект памяти выдающихся одесситов был осуществлен благодаря энтузиастам из Всемирного клуба одесситов под руководством Леонида Рукмана.

Интеллигенция Одессы талантлива, активна и открыта новому. Атмосфера новаторства, творческих замыслов, интересных проектов вдохновляет и восхищает. Ощущение, что здесь молодцы абсолютно все, и "виной" тому — энтузиазм одесситов. Одесса из моего прошлого не знала подобного подъема.

И литстудия Игоря Потоцкого впечатлила как разнообразием молодых голосов, так и упорной борьбой за помещение, которое все же отвоевали. И милиционер опять-таки растрогал — уже другой, который пришел в тот день, чтобы выдворить студийцев, а потом так заслушался на прощальном чтении, что сам стал активно обсуждать понравившиеся стихи.

Это — Одесса. Моя, узнаваемая, пробивающаяся сквозь трещины в истории.

Москва не сразу строилась, а Одесса — почти сразу, моментально, но отстраиваться всегда приходится медленнее, поскольку не на пустом месте.

Ave

"Ave" одновременно означает "привет" и "прощай".
(Из разговора)

Змеенье виноградных лоз из детства.
Царит вчера, пока забрезжит завтра...
Руно из лун рассыпала Одесса,
Сиреной зазывая аргонавтов.
А Одиссея снов одна и та же —
Летучих парусов неясный призрак,
Песок у кромки в темных звездах влажных
И колдовство берегового бриза.
А паруса — над городом, над морем,
Над звездами... Над звездами? А что там?
Там дуб зеленый с вечным Лукоморьем
И книга жизни с жестким переплетом.
— Лети, лети! — зовет на скалы сердце,
Чтоб выпал ритм из его оправы.
Штормит единство действия и места.
А город переводит: "Ave!".

Зарисовка

А у кромки воды,
Там все люди становятся птицами,
И вдыхает Лузановка
Солью пропахшее небо.
Этот берег — в ладони песок —
Снова снится мне,
И колышутся жизни
В сплетениях памяти-невода.
Побережий пески —
Словно древних морей мемуары.
В skleпах раковин,
Теплой водою подсвеченных,
Только тени усопших моллюсков
Да йодистый траур,
Да личинки, как мумии,
Между прахом и вечностью.
Я иду и иду
По осколкам закатного зарева.
Волны катятся, словно пустые бутылки.
Это я их сама
с побережья другого отправила,

А теперь вот встречаю у сна на развилке.
Прямо двинусь — проснусь;
Влево — встретит жужжанье сирен,
Мидий лодки подводные в тине
На тлеющих горках добычи;
Вправо — полые крабы доспехи,
Да солнце, давнее крен,
И оборванный след на песке
То ли твой, то ли птичий...

Отпуск

Здесь — как в раю.
Время стоит в зените,
Россыпи света вокруг голов,
Ни единой тени,
Капли воздуха с эликсиром сна...
По его орбите
Совершается вечный круговорот материй.
От земной до небесной тверди —
Полшага с пирса.
Тело движется со скоростью
Прямолинейного равномерного.
Душа — никогда. Поэтому ей не спится.
Тело с душой —
Все равно что пространство со временем.
То ли небо над морем,
То ли море над небом повисло здесь.
Серебро от взлетающих рыб...

Им завидуя,
Гребни волн облаками запенились.
Что влилось, то и вылилось
На равнину песка,
Там, где дюны вззошли пирамидами.
Здесь сильней ностальгия
По неразрешенности вечера,
По живому текущему небу,
По оползням строчек.
Под зонтом абажура
Тетрадь обсыхает. До вечного —
Только мыслью подать. Но какой?
Вот вопрос, что сознание точит.
Я смещаюсь туда.
Фиолетовых сумерек выжимка,
Быстрый сон о тебе,
На песке — окаемка грусти
От волны откатившей,
Где чайка прошла обижено.
Вот и все, что осталось
От отпуска длинной рукописи.

Вера ЗУБАРЕВА,
Филадельфия, 2010

Борис ХЕРСОНСКИЙ ВЫСОКАЯ ПЫЛЬ

28 НОЯБРЯ БОРИСУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ХЕРСОНСКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ. ПОЗДРАВЛЯЕМ!

пока кто-то знает толк в письменности шумера
и во тьме понимает клинопись подушечками пальцев
пока кто-то помнит как заливая землю вода шумела
пока кто-то читает детям о гильгамеше
первом среди скитальцев

пока кто-то еще вспоминает как боги терзали друг друга
и создавали мир из кровавых ошметков плоти и сгустков
пока кто-то ходит в подземных залах музеев в часы досуга
и отличает орнаменты на сосудах этрусков

пока в средних школах проходят историю древнего мира
и зачитан до дыр учебник переданный дедом внуку
пока засыпая хоть кто-то твердит слова вавилонского мифа
и крылатый бык с человеческим лицом
простирает над миром руку

пока кто-то знает что в начале было страданье
и главный закон вселенной сносить унижение послушно
пока кто-то знает что книга лежит в основании мирозданья
и жить не страшно и умирать не скучно

Мама, пойдем смотреть панораму, ту, которая про войну.
Круглое здание, в нем — сражение в натуральную величину.
Что ближе — больше, со спичечный коробок то, что вдали,
Артиллеристы у пушки. Офицер командует: "Пли!"

Слева — пехота, справа строят редут.
Прямо — наши "ихних" пленных ведут.

Крутят запись — гром канонады, ржание лошадей.
Мальчику скоро восемь. В голове его много идей,
например, как совершить революцию

раньше на сто пять лет,
на Бородинском поле среди золотых эполет,
в кармане у мальчишка новый игрушечный пистолет.
Мальчик занят, он еще не знает, кто он:
товарищ Кутузов или — Наполеон.
Хороша треуголка и руки, скрещенные на груди,
но впереди Ватерлоо, Святая Елена, вся смерть впереди,
а товарищ Кутузов наш, но одноглаз и толст.
небо сражения — декорация — масло, холст.

Нарисованный ворон, над трупами не кружи:
они, как и ты, — обман, декорация, муляжи.

Мальчик стоит, улыбаясь, среди нарисованной лжи.

Мама, скажи, ведь недаром? Мама, скажи.

Сам он — учнейший человек и души хрустальной,
подлинный сын века — математик, химик, астроном.
Возится то с телескопом, то со шкатулкой музыкальной,
возмущен алтарем церковным и королевским тронем.

А ходит, как все, — в камзоле, парик с косичкой,
всегда напудрен, гуляет с тросточкой неперменной.
Рыжую дочь Полину называет лисичкой
и учит ее устройству и составу Вселенной.

Ей всего шесть лет, но на карте звездной
назовет и покажет самую малую точку.
Просвещенный отец по ночам гуляет под черной бездной
по крышам самых высоких зданий и всюду таскает дочку.

Вчера на крыше ратуши, сегодня — на кровле собора
видят фигурку девочки в белом и отца
в камзоле и с тростью.
Головы их запрокинуты — от звезд не отрывают взора,
и звезды приветствуют мудреца
и прекрасную юную гостью.

страстотерпцы воины змееборцы
в длинных праздничных облаченьях
столпники схимники чудотворцы
вспоминаете ли хоть порою
о своих чудесах и мученьях
и о почестях что герою
оказывали по пьяни герцоги и селяне
владельцы виноградников защитники замков
с квадратными башнями крытыми черепицей
на каждой шпиль увенчанный медной птицей

встречались как на прогулке на поле брани
монахи менялы клирики и миряне
экипажи эсминцев подлодок танков
всадники пехотинцы пилоты
без индульгенций на всех не хватает бланков
выходят из офисов аквариумных банков
клерки возвращающиеся с работы
к румяным деткам усталым женам
озлобленным и напряженным

а лучше им было не возвращаться
просто исчезнуть и не попрощаться
отстраниться и удалиться
туда где тоги до пят ниспадают
где светятся мозаичные лица

молятся схимники мученики страдают
где монастырь прилепился к скалам
где валяется чудище с предсмертным оскалом
на полянке да на зеленой травке
копьем припилено как бабочка на булавке
рядом табличка с надписью на латыни
род и вид вымерший ныне

много лет просыпаясь чуть свет
я врубаю один и тот же диск тот же дуэт
люис и элла
люис и элла и всех то дел
боже как он в трубу дудел
боже как она пела
сначала винил запиленный потом сияющий диск
но звуки те же пусть и разложенные на цифры
и собранные потом

бедная бабушка рая ей казалось что это визг
а это была классная музыка в исполнении крутом
бедная бабушка рая она говорила прекрати этот вой
и все это без толку молодость не щадит седин
страшно подумать что я остался один живой
ни эллы ни люиса ни бабушки раи совсем один
сколько мелькает родных потусторонних лиц
я смотрю сквозь них и мне пока невдомек
что моя фонотека не лучше
глиняных клинописных таблиц

крутится старый винил
надетый на никелированный пенек

И огромная грудь раздувается, тычет соском.
И младенческий ужас расширяет зрачки.
Но мы не дети, не ходим под стол ползком,
слава Богу, мы в этом мире не новички,
не вчера родились, старушки, глядя нам вслед,
крестятся, говорят: "Ишь, повывахали бычки!
Затылки — вторые морды! Еще наделают бед!"

Мы видали-перевидали, мы жрали и вытирали рты
рукавами выцветших гимнастеров,
на третье хлебали компот.
Все как один голосовали за власть золотой орды.
В баньке — гол, как монгол. На полку стекает пот.

В предбаннике на журнальном столике фотоальбом:
под каждым фото имя — не то, телефончик — тот.

Стыд ночной восходит к луне столбом

Вот она расшнуровывает ботинок.
А старшой шипит: "Скройся с глаз!
Разденься, зайди красиво, чтобы была как в меню!"
И она возвращается: тяжелые груди, широкий таз —
кустодиевская ню, замотанная в простыню.

Присвистывает: "Сколько вас, а я что, одна на всех?
Позвать подружек, что ли?",
а старшой: "Справишься, не впервой,
слышала, падла, что называется свальный грех?"

И девка смеется и трясет головой.

На рассвете думаешь — никто тебя не убил,
потому что никто не хотел,
придется теперь самому позаботиться.
Город давно опустел.
Когда-никогда пронесется внедорожник-автомобиль,
куда-никуда, и кто там сидит за рулем, или никто уже не?
Свет от фар, как ветер высоко поднимает пыль,
пыль летит высоко, дальше не страшно мне.

Приснилась церковная служба — будет доходное место.
Хлопоты, если снится, что собака тебя трепала.
Если привидится в белой фате молодая невеста,
а ты был трижды женат, то пиши пропало.

А мне-то и церква снилась, и колокола гремели,
и рыба снулая — к смерти,
и к деньгам — дрожжевая опара,
и неслась по зелено лужку печь дурака Емели,
и папоротник расцветал на Ивана Купала.

И еще во сне трепала меня за штанину облезлая шавка,
не забыть бы, что к хлопотам, и мертвяк у стены, и
еще часто снился гнилой переулок, колхозная лавка,
бутылки зеленые, пробочки жестяные.

Жестяные пробочки, с ушком, зелено-белые этикетки,
с трешки, как полагается, тринадцать копеек сдачи.
И еще снился покойный племянник покойной соседки.
Жизнь на сутки короче. Век не видать удачи.

Жизнь — не классическая симфония, где к финалу
звук нарастает мало-помалу,
рокочит литавры, духовых, особенно медных,
больше, чем струнных, теперь почти незаметных.
Соль мажор, до мажор, словно вспышка света.

Фото Олега Владимировского

В книге долго хранится программка и два билета.

Десятый ряд, нечетная половина, но в самом деле
зал был почти пустой, и сидели все, где хотели.
Мимо здания филармонии грузовики проезжали —
было слышно, и стекла слегка дребезжали.

Жизнь к финалу больше похожа на партиту
для флейты соло.

На репетицию — немного света среди темного зала,
немного звука среди тишины,

музыкант в пустую трубочку дышит.
Звук прервется — никто не заметит,
звук продлится — никто не услышит.

В двенадцатом веке в лесу человек поставил сруб
и вырыл колодец. И прожил до смерти там.
Он был не монах, а злодей-душегуб,
никого не сгубивший. Случилось так,

что при жизни никто к нему не пришел. Ну что ж,
хорошо, что никто не пришел, не попал под нож.

А человек всю жизнь сидел и ждал богача,
чтоб ограбить, убить, а тело бросить в колодец, потом
быть пойманным и лечь под топор палача
и безголовым на плахе лежать пластом.

Но ничего такого с ним не случилось. Его
почитали отшельником. После кончины труп
остался нетленным, не видя уже ничего,
лет десять сидел у окна, одетый в тулуп.

На этом месте стоит часовня. Сохранился колодец. Вокруг
постепенно разросся город, не слишком велик,
и его благословляет движением скрюченных рук
разбойник, который умер, не оставив улик.

Трудовые династии — потомственные санитары,
рубщики мяса, приемщики стеклотары,
завскладами, грузчики из овощной лавки,
натошак — сигарета и полста — для затравки.

Страна держалась на вас — что ж вы не удержали,
зря буденовцы бились, зря их лошади ржали,
зря глядел в бинокль начальник генерального штаба,
зря мылась в большом корыте его румяная баба.

Зря примус огнем горел под чайником медным.
Зря человек вносил свой вклад, стараясь быть незаметным,
напрасно в общем строю и в общей столовке,
напрасно кубок с медалью за победу на стометровке.

Красная майка, герб на груди, на спине — инвентарный
номер, цена нам копейка — советская в день базарный.
Комнатка два на четыре, через кухню вход с галереи,
можно будет расширяться, как уедут соседи-евреи,

или бабка-пенсионерка душу отдаст собесу,
или сосед-моряк утонет и не вернется в Одессу.
Нет, не удержали страну, а что мы — какие атланты?
Зря на октябрьский парад надевали красные банты.

Впрочем, что рыдать, покойнице много чести.
Магазин овощной на месте и корпус мясной на месте.
Только дедушка молодой на подкрашенном фото
пучит глаза, шевелит губами, словно просит чего-то.

Евгений ДЕМЕНОК

Две недели в Праге

Прага — не город контрастов. К счастью для всех. Наоборот, она гармонично сочетает в себе славянскую открытость и веселье с немецким порядком и чистотой. Две недели, проведенные мной в Праге, дали возможность увидеть немного больше, чем видит обычный турист, и самое интересное захотелось записать.

Метро

Пражское метро — удобное место для наблюдения за пражанами. Метро современное и чистое, пользуется им большинство горожан, тут можно встретить совершенно разные типажи. В первый же день, ожидая свой поезд, я увидел молодую девушку (а какими же еще бывают девушки? — скажете вы), волосы которой, расчесанные на прямой пробор, были покрашены в два цвета: черный с одной стороны и белый с другой. Какой простор для фантазии и игры воображения! Мне сразу вспомнились анекдоты про брюнеток и блондинок, пришли мысли о правополушарных и левополушарных людях, а еще подумалось, что она может поворачиваться к людям как своей светлой, так и темной стороной... Время в размышлениях пролетело быстро, поезд подъехал к нужной станции и, выходя, я заметил другую девушку, волосы которой были покрашены так же, но уже в синий и зеленый цвета. Окончательно сбитый с толку, я прекратил бесплодные размышления и вышел на улицу, к солнцу.

А вот еще несколько наблюдений из метро. В обеденное время девушки в метро едят. Достают кулечки с бутербродами и пирожками и едят. Жующих мужчин за две недели я не заметил — то ли они едят в других местах, то ли пражские девушки очень прожорливы. А еще они почти все слушают музыку в наушниках. Заходят в вагон, достают телефон или плеер, втыкают наушники в уши и слушают. Опять же — парней в наушниках минимум, они или читают, или смотрят куда-то вдаль. Кстати, читающих в метро очень много. А еще у чехов не принято оценивающе разглядывать друг друга, как это бывает у нас. Максимум — беглый взгляд на соседа. Конечно, и не так, как в Англии, например, где приватность возведена на небывалый уровень. Мне довелось несколько недель ездить на поезде из пригорода в Лондон. Это было что-то вроде нашей электрички — с сиденьями местами, только сиденья были бархатными и с очень высокими спинками, а в каждом вагоне было шесть дверей — по количеству "отсеков". То есть проход в центре вагона есть, но все остальное пространство поделено на такие вот "отсеки", где пассажиры сидят друг напротив друга. Так вот, за полчаса езды до Лондона все эти дни ни один пассажир ни разу не посмотрел на своего соседа. Даже мельком. Ужас. Мне, конечно, пришлось волей-неволей за ними наблюдать — а вдруг кто-то не удержится и глянет на соседа или на меня, любопытно-го? Но англичане старательно не замечали моих разглядываний.

В общем, после нескольких поездок в пражском метро я сочинил стихотворение: Становлюсь иностранцем — Пытаюсь не смотреть на соседей в метро. Гляжу под ноги. Получается плохо. Кружится голова.

Несколько слов о "старухах"

Я не считаю Прагу старухой и не согласен с Аркадием Аверченко, который писал о своей прогулке по городу, в котором он прожил три последних года жизни: "О, прекрасная старуха, милая сердцу каждого художника, думал я, сколько веков копила ты свои каменные сокровища и как ты ревниво бережешь их, подобно скупому рыцарю...". Архитектура города очень разнообразна. Помимо готического Старого Места и Малой Страны есть Новое Место и другие районы с прекрасными домами и храмами в стилях барокко, рококо, ренессанс и неоренессанс. Среди архитектурных стилей Праги и модерн, и конструктивизм. Подкачала только архитектура социалистического времени с хорошо знакомыми нам панельными многоэтажками "чешского проекта" в спальных районах. Удивительно, как определенный общественный строй может негативно влиять на все сферы жизни и деятельности человека. Сейчас в городе строят красивые

Фото Евгения Деменика

новые дома и целые районы, причем в соответствии со строгими архитектурными предписаниями, вплоть до цвета покраски домов. А главное — живя в Праге, можно гордиться своим настоящим, а не только лишь прошлым, как это делаем сейчас мы.

Прага отличается от соседних немецких, австрийских и венгерских городов бодростью и весельем. Толпы народу в час ночи можно увидеть в центре ежедневно. Да я и сам хорош. Казалось бы, сколько раз ходил от Староместской площади к Карлову мосту, — а это основная туристическая "тропа". Ан нет — приезжая в Прагу, что-то вновь и вновь заставляет меня пройти этими извилистыми улочками. Ну ладно, скажете вы, — это туристы. Но и в спальных районах в будние дни кафе допоздна заполнены посетителями. Так что "старуха" не по-старушечьи бодр.

А вообще, город раскинулся на очень большой территории, что особенно заметно по сравнению с нашей плотной застройкой. В черте города есть высокие холмы, леса, реки, озера, поля, а это чистый воздух и обилие мест для прогулок и отдыха.

На шаг впереди

В Праге четко ощущаешь, что ты в Европе, но в какой-то близкой и понятной. Может быть, поэтому тут так много "наших" в любом виде — туристов и резидентов. Что-то нас сближает: то ли общее социалистическое прошлое, то ли славянские корни и похожий язык, то ли привычки. Все время возникает мысль о том, что чехи — "о немецкие" славяне. Грубо, конечно, но что-то в этом есть. Чистота и порядок, трудолюбие и аккуратность — немецкие. Славянское — привычка гулять допоздна, о чем я уже говорил. Или вот девушки — красятся они ярче, чем немки, но не так ярко, как наши. С чаевыми опять же. В Германии официант ничуть не обидится, если вы ничего не оставите ему на чай. Если же при счете за ужин в сто евро вы оставите ему даже один-два евро, он будет благодарить вас неподдельной радостью. В Чехии ситуация близка к этой, но все же на чай лучше оставлять побольше. А вообще, самый вопиющий размер чаевых — в Штатах. Там и в ресторане, и в такси (что меня особенно возмущает) нужно оставлять как минимум десять процентов.

Девушки

О девушках можно говорить бесконечно, теперь представьте себе, сколько нужно времени, чтобы это написать. Бесконечность, умноженная на пять! Именно во столько раз, согласно последним исследованиям бразильских ученых, мы говорим быстрее, нежели пишем. Поэтому описывать всех де-

вушек я не буду, скажу одно — девушки в Чехии красивые. Недаром множество известных моделей и порнозвезд родились именно здесь. И самое главное, страна продолжает их производить.

Светофоры

Не знаю, кто и зачем так их настроил, но за время, пока горит зеленый свет для пешеходов, даже очень бодрым шагом можно перейти улицу максимум до середины. Поэтому ожидающие зеленый свет пражане похожи на спринтеров перед стартом. Недалеко от вокзала есть место, где зеленый свет одновременно загорается на трех светофорах, идущих один за другим. Бегут все — и стар, и млад. Наверное, поэтому на улицах города так мало полных людей.

Собаки

Чехи, как и немцы, любят собак. Больших собак. Их в городе много, в том числе с хозяевами в метро, и меня искренне поражает их воспитанность. Ни разу не слышал, чтобы собака залаяла или даже тявкнула, и ни разу не видел, чтобы она понюхала чужого человека. Просто джентльмены с хвостом. И хозяев слушают беспрекословно. Немецкие собаки — это вообще отдельная категория. Однажды мы сидели в мюнхенской пивной, а за соседним столиком среди большой и шумной компании был человек с собакой. Она лежала под столом у него в ногах все те полтора часа, которые мы там просидели, и максимум, что она себе позволяла, — изредка взглянуть по сторонам. При этом несчастной она не выглядела.

А в пражском метро я встретил парня, который ехал с довольно упитанным питбулем. Пес вел себя тихо, как мышонок, а хозяин увлеченно читал книгу. Я извернулся и разглядел название. Оно говорило само за себя — книга называлась "Жизнь без пса — жизнь под пса". То есть коту под хвост, если по-нашему.

Забавные слова

Всех русскоговорящих туристов удивляет и веселит в Праге необычное значение знакомых нам слов. Не шутил на эту тему только ленивый. Ну вот, например:

Potravinu — продукты.

Klobasa — колбаса.

Herna — игровой зал.

Ovoce — фрукты, а *zelenina* — овощи.

Cerstve ovoce — свежие фрукты.

А вот, например, *carka* — всего-навсего запятая. Про *возидло-плавидло-летадло* я вообще молчу.

Смеялся и я. А потом прочитал у Марины Цветаевой: "Мы от души потешались над... меткими сравнениями чешских слов с русскими... они были на самом деле очень похожи на русские, но имели порой совсем иной, неожиданный смысл, а их сходство казалось некоей карикатурой, некрасивым примитивным жаргоном литературного русского языка. Рассказывалась массам анекдоты, случавшихся с нашими соотечественниками, легко путавшими чешские слова с русскими и наивно думавшими, что стоит слегка исковеркать свой язык, чтобы получился чешский".

И стало стыдно.

Несколько лет назад группа чешских энтузиастов-филологов разработала новый единый для всех славянских народов язык — такой славянский Эсперанто. Они называли его Словью. Авторы пишут (<http://www.slovio.com>), что когда-то у всех славянских народов был единый праязык, но по мере их расселения на большой территории одни и те же слова стали по-разному записывать, а следующие поколения по-разному читать. Попробуйте почитать слова этого нового языка на сайте — они записаны и латиницей, и кириллицей. Мне кажется — это очень интересный эксперимент. Мне, во всяком случае, все слова были понятны.

Наши в Праге

Наших в Праге много. И даже совсем наших — одесситов. Оксана и Василий держат кафе, в котором собирается большая часть русскоязычной диаспоры, тут и "Знатоки", и "Прагматики" — ребята, реализующие творческие проекты русскоязычных жителей Праги. Марина Выховкина поет в Пражской опере, Любовь Полева ведет экскурсии на пяти языках, а Елена Чепелкова организовала в Праге филиал Всемирного клуба

одесситов. А еще в Праге живут два замечательных человека — поэт и радиожурналист Игорь Померанцев и легендарный русский художник Виктор Пивоваров, с которыми я еще в Одессе запланировал обязательно встретиться.

Померанцев — автор около десяти книг стихов и эссе. Пишет верлибром. Последняя книга — "Красное сухое" — о вине, страстным любителем и знатоком коего он является. Игорь уехал из Черновцов в очень далеком 1978 году — с той поры прошла целая эпоха. Почти сразу начал работать на радио — сначала ВВС, потом "Свобода", "Свободная Европа". Вслед за офисом радиостанции переехал из Лондона в Мюнхен, а затем в Прагу. Седая интеллигентская борода, волосы зачесаны назад, шелковый шарф... Дома просит не разуваться — холуйская привычка. Игорь говорит по-английски с отчетливым русским акцентом, не стараясь походить на англичанина, и в то же время очень гордится английским подданством. По вот этому самому произношению я и вспомнил его и нашу первую встречу в Лондоне в 20 августа 1991 года, в самый разгар Путча; во время этой встречи Игорь уверенно предсказал нам, совершенно растерянным советским туристам, что все это безобразие продлится от силы несколько дней. Так и случилось.

Недавно он был в Одессе, читал в Литературном музее стихи из книги "КГБ и другие", которая вышла в Москве на русском, а в Киеве на украинском языке. Ведь в 70-х не только страна у нас была общая, но и КГБ — общее. И преследовало оно инакомыслящих и "там", и "тут".

Игорь прекрасно готовит и знает в Праге места, где можно купить настоящие маслины с Крита, французскую морскую соль или итальянский хлеб. Я, конечно же, спросил, как так получилось. "Ненавижу ощущение холода-холода. А жена сейчас живет в Лондоне". "И вообще, всегда на хорошие вещи нужно тратить много денег. Только так можно поддерживать уровень своей жизни. Иначе можно скатиться".

Игорь выпустил несколько книг с расшифровкой самых интересных своих радиointервью. Книжки читаются на одном дыхании, и виноваты в этом все — и сам ведущий, и собеседники, а в первую очередь — сама манера построения беседы. Это не банальные вопросы и ответы, не колкие и провокационные фразы. Это беседа умных людей на интересные темы — как говорит сам Игорь, он продолжает традицию Плутарха. Приятная беседа в кругу приятных людей. А еще меня сразило наповал то, что Игорь много лет дружил и регулярно общался с Александром Ятигорским — легендарным философом, другом Лотмана и Мамардашвили. Ятигорский казался мне недосягаемой вершиной, небожителем, живущим на Олимпе, — и вот я мог с ним познакомиться через Игоря, произошедшие это хоть много раньше. Увы...

Войдя в мастерскую Виктора Пивоварова, я сразу увидел портрет Ятигорского. А потом узнал, что и он, и сам Виктор неоднократно были в студии у Игоря Померанцева. Все тесно взаимосвязано.

Виктор Пивоваров — классик российской концептуализма, друг и соратник Ильи Кабакова, один из лидеров неофициального искусства 70-х и 80-х. Один из лучших иллюстраторов, в том числе детской литературы, великолепный график, единственный русский художник, кроме Олега Кулика, заинтересовавшийся лондонскую галерею "Тейт-модерн", талантливый писатель — личность легендарная. Живет в Праге уже двадцать восемь лет. Я волновался, собираясь к нему в гости, — как примет, поддержит ли разговор? А поговорить было о чем — перед отъездом я прочел его автобиографическую книгу "Влюбленный агент", вышедшую в Москве еще в 2001 году и попавшую ко мне благодаря художнику Сергею Анфурьеву. И даже выписал вопросов на целую страницу — книга очень личная, и многие мысли затрагивают глубинные, базовые представления о жизни и роли в ней каждого. Виктор принял меня очень хорошо, два часа пролетели незаметно, думаю, что так же незаметно пролетели бы и двадцать два часа. Он по-прежнему много работает и много выставляется. Аккуратный, четкий, сдержанный, немного погруженный в себя и в то же время доброжелательный. После "Влюбленного агента" вышла вторая его книга — "Серые тетради", в которой собрана проза, стихи, различные документы и много репродукций. Очень надеюсь найти ее у друзей или в магазинах.

Поездка была очень насыщенной. На следующий день после моего отъезда Прага выбирала нового мэра. Рекламных плакатов по городу было не меньше, чем у нас. Основным девизом кандидатов была борьба с коррупцией в городской власти. "Если у них коррупция, что тогда у нас?" — подумал я, садясь в самолет.

Фото автора.

М.С. БЕЛЕНЬКИЙ ОКАЯННЫЕ ДНИ ГЛАЗАМИ ВРАЧА

Моисей Самойлович Беленький (1892–1982) — известный ученый-курортолог и физиотерапевт. Его имя как отличного врача и общественного деятеля было на слуху у нескольких поколений одесситов. В последние годы жизни Моисей Самойлович увлечено работал над воспоминаниями.

Почти вся профессиональная жизнь доктора прошла в Одессе, куда он попал благодаря случаю. Город этот он полюбил и в нем нашел свое упокоение.

Предлагаемая ниже глава воспоминаний относится к знакомству доктора с Одессой и периоду ее истории, который великий Бунин окрестил "окаянными днями".

Киевский университет я окончил в июне 1916 года. Весь наш выпуск, за исключением небольшого числа юных врачей, был сразу же призван в армию. Небольшая группа сокурсников по медицинским соображениям была освобождена от военной службы. В нее попал и я из-за диагностированного порока сердца. С такой судьбой я не мог согласиться. В те времена примером для меня служили два моих брата, которые воевали. И я, недолго думая, подал заявление — просьбу о зачислении добровольцем в действующую армию и о направлении на передовые позиции. Мое ходатайство удовлетворили и направили на Галицийский фронт в передовой хирургический отряд (20-й Черноморский), приданный к Первой Заамурской дивизии.

После Февральской революции в армии начался развал. Солдаты хотели мира и не хотели больше воевать. Под давлением союзников и после большой подготовки, сопровождавшейся проверкой и изучением настроения армии, началось наше последнее наступление.

Наступление на нашем участке шло блестяще. Мы выбили немцев из зимних хорошо укрепленных позиций и двинулись на запад. Начали даже циркулировать слухи о предстоящем движении на Вену. Но начавшееся удачно наступление было сорвано предательством и отходом гвардии под Тернополем. Из-за оголившегося большого участка фронта возникла угроза окружения. Это побудило командование отдать приказ об отступлении на нашем участке. Все это стало известно нам позже. Поспешное отступление через Буковину и Бессарабию для соединения с армиями румынского фронта докатилось до Хотина. Там мы ненадолго задержались.

К этому времени истек срок представленной мне отсрочки от призыва в армию. Бюрократическая машина продолжала работать: я получил распоряжение явиться в Киев для получения назначения в распоряжение санчасти Румынского фронта.

Гуляя бесцельно по Киеву, я оказался свидетелем рождения "Вільної незалежної України". На площади Богдана Хмельницкого видел парад по поводу провозглашения отделения Украины от Москвы. Украинская воинская часть с желто-голубыми знаменами и с портретами Тараса Шевченко выстроилась в виде буквы "П". Строй объезжали на двух машинах: на одной — седой профессор Грушевский, а на другой — красивый, стройный и чернобородый писатель Винниченко. Стоя в машинах, они провозглашали лозунги. Играла музыка. Звенели литавры. В Софийском и Михайловском соборах звонили в колокола. По синему небу плыли небольшие белые облака, сияло солнце, оно золотило каштаны и клены. Киев был прекрасен.

В Киеве я пробыл недолго: надо было в соответствии с полученным направлением выехать в Одессу, где располагались управления Румынского фронта и, в частности, мой Упсанрум (Управление санитарной части Румынского фронта).

В Одессу я ехал поездом около трех дней. Вагоны были набиты пассажирами, стремящимися на юг. Теснота в них была необычайная. Уборные были заняты едущими и их вещами. Вагонной прислуги не было вовсе. Я удачно расположился на третьей (вещевой) полке жесткого общего вагона.

Из окон вагона были видны осенние голые поля. Да и на душе осень. Что будет со всеми нами? Что нас ждет впереди? Скорей бы вернуться в воинскую часть, где все же должен существовать какой-то порядок, какая-то ставшая мне близкой организованная жизнь.

К одесскому вокзалу поезд подошел утром. Нас встретило яркое солнце и ясное небо. На перроне оживление, народ шумный, темпераментный. Как это не походило на Киев! С вокзала с небольшим чемоданчиком в руках я отправился к коменданту города.

Комендатура находилась тогда на улице Преображенской, 18. Там мне дали направление в общежитие для младшего офицерского состава. Общежитие располагалось в помещении бывшей кофейни Амбарзак на улице Греческой угол Преображенской. В просторных залах кофейни стояли железные койки с соломенными матрацами. Комендант общежития капитан Языков указал мне на одну из них. После этого я посетил Упсанрум, ул. Херсонская, 60, где меня зарегистрировали и велели ждать особого распоряжения.

Я много ходил по незнакомому мне городу. Улицы полны людей, шумных, оживленных, громко разговаривающих, энергично жестикулирующих и в большинстве весьма доброжелательных. Отчетливо слышен характерный одесский говор. По нему трудно было определить, с кем из коренных одесситов разговариваешь, — с русским, украинцем, евреем, греком, караимом, немцем? После Киева солнечная Одесса покорила меня.

В то время в Одессе было много иностранцев, особенно много представителей румынской буржуазии и аристократии. Румынский и французский языки звучали на каждом шагу. Когда Румыния в ходе польхавшей тогда мировой войны была оккупирована немцами, многие ее жители бежали на восток, и они, прежде всего, наводнили Одессу. Они часто и в больших количествах встречались в ресторанах и на улицах. В доме, что стоит на углу Садовой и смотрит на Соборную площадь, был румынский ресторан "Oncle Jack". В ресторане раздавался только румынский говор. Публика выглядела нарядно. Я как-то зашел туда пообедать. Блюда были острые — мидии с рисом, приправленные обжигаящим красным перченым соусом, и др. Да и цены оказались "острыми".

В Одессе у меня оказался родственник (кузен моего отца) — Константин Борисович Бархин, популярный в городе преподаватель русской литературы, впоследствии профессор в Москве. Он-то и познакомил меня с некоторыми своими друзьями, видными одесскими врачами и общественниками. В частности, он представил меня доктору К.Н. Пурицу, главному врачу Еврейской больницы, и его супруге. Я был тепло ими принят. После часовой беседы я, очевидно, понравился Пурицу, и он познакомил меня с доктором Я.В. Зильбербергом, крупным хирургом и известным общественным деятелем. В советское время Зильберберг стал главой одесских хирургов, организатором съездов хирургов в Одессе.

В общем, Одесса привлекла меня своим особым обликом, архитектурой, окрестностями (по тем временам): Аркадией, Большим, Средним и Малым Фонтанами, девственной тогда Лузановкой и превосходными курортами. Но заигнотизирован я был, конечно, морем.

Когда я приехал в Одессу, у меня были двести рублей. На эти деньги я скромно жил. В общежитие я приходил ночевать, а дни проводил в прогулках по городу и, чаще всего, по окрестностям. Особенно меня интересовали лиманы — Куяльницкий и Хаджибеевский. И я начал изучать литературу по лимановедению и грязелечению. Тогда же я познакомился с Лузановым, собственником Лузановки, бывшим сотрудником при русском после в Пекине Поклевском-Козел. Первое время после октябрьских событий я встречался с Лузановым на улицах. Небритый, в солдатских ботинках и обмотках, с пиллой и козлами на плечах, он ходил по дворам и нанимался пилить дрова.

В 1917 году одесситы жили легкой и даже легкомысленной жизнью (с мастеровым людом мне тогда не приходилось общаться), и это несмотря на уже появившиеся трудности. Работали кафе, рестораны и театры. Одесситов и гостей города развлекал Л. Уте-

сов со своим джазом ("хор братьев Зайцевых"). Кафе Фанкони и Робина, расположенные наискось друг против друга, на углах Екатерининской и Ланжероновской улиц, а также сквер Пале-Рояль были битком набиты, главным образом, спекулянтами, совершавшими различные сделки. Предложения о сделках звучали в этих зланных местах в виде вопросов. "Вы интересуетесь на сахар? У меня два вагона". "Вы интересуетесь на доллары?" И т. п. Все же в Одессе относительно легко жилось. По крайней мере, в сравнении с Киевом.

Первый раз советская власть установилась в Одессе в начале 1918 года после победы над гайдамаками, которые занимали железнодорожный вокзал и примыкающую к нему часть города. С этой первой, по существу, сменой власти в городе начались и два года продолжались тревожные, перешедшие в оканные дни.

Итак, середина января 1918 года. В городе тревога. На улицах появились отряды матросов и красногвардейцев. Началось восстание на заводах. В порту стоят присоединившиеся к большевикам крейсер "Алмаз" и корабли "Синоп" и "Ростислав". Первый — у самого причала, два других — далеко на рейде. На "Алмазе" расположился штаб моряков.

В те дни я ходил по опустевшим улицам, с любопытством наблюдая схватки, перестрелки и проч. Однажды, выйдя с утра в город и вскоре возвратившись к себе в общежитие, я обнаружил следующее: в общежитии хаос, матрацы на койках перевернуты, мой чемодан выпотрошен, его убогое содержимое разбросано. Жившая при общежитии семья коменданта Языкова в ужасе: нагнул отряд матросов, произвел обыск и нескольких офицеров, находившихся в помещении, увел в неизвестном направлении.

Я решил выяснить, куда увели капитана, по-моему, совершенно ни в чем не виновного, скромного нестроеного офицера. Но куда идти? Мне сказали, что арестованных офицеров уводят в революционный штаб на Торговой улице. Я пошел туда. Штаб располагался в самом начале Торговой, в роскошном особняке богача Русова.

У входа — толпа матросов, красногвардейцев с красными повязками. У ворот — несколько пулеметов и груды гранат-"лимонок". Я вошел в здание. Никто не спрашивал пропуска. Какой-то человек в черной куртке и черной фуражке, не то железнодорожник, не то моряк, отдает приказание, направляя вооруженных матросов по различным адресам. Этим человеком, как я потом узнал, был Ачканов, видный деятель вооруженного восстания и борьбы с гайдамаками. В вестибюле свалены картины.

Урвав свободную минуту у охрипшего от напряжения Ачканова, я спросил его, не находится ли под арестом среди многочисленных групп арестованных офицеров (вернее, бывших офицеров) капитан Языков. Ачканову некогда было со мной разговаривать, и он поручил стоящему рядом товарищу проводить меня и показать арестованных. В больших полуподвалах с крепкими решетками на окнах было много арестованных. Окна были открыты. Я подходил к каждому окну и громко спрашивал: "Нет ли здесь капитана Языкова?". Никто не отзывался. Позже, правда, выяснилось, что он там был, но в не обнаруженном мною помещении. Вернувшись к Ачканову, я вновь обратился к нему с вопросом: "А где еще можно разыскивать капитана?". "Пойдите на "Алмаз", — ответил он.

И я отправился на "Алмаз". По узкой каменной лестнице в конце улицы Гоголя я стал спускаться в порт.

Я подошел к пришвартованному "Алмазу". С невысоко расположенной палубы были спущены широкие сходы. Вокруг суэта. Подъезжают грузовики с матросами и реквизированными в городе продуктами. Они сгружают окорока, фрукты, ящики с вином... Какой-то человек отправляет в город отряды вооруженных матросов. Я свободно поднимаюсь на корабль. Никто не останавливает, не проверяет меня. Узнаю, что сейчас заседает революционный комитет. Вхожу в просторную каюту. За столом идет шумное совещание. Многие стоят. По углам составлены винтовки, на полу — груды гранат, у входа — пулемет.

Один из сидящих моряков обернулся ко мне с вопрошающим взглядом. Я сказал, что ищу арестованного сегодня капитана.

— Поводи его по каютам, пусть поищет, — обратился он к одному из стоящих матросов. Тот повел меня по коридорам и стал открывать двери кают, в которых сидели, плотно сбившись, арестованные офицеры.

Я прошел один коридор вдоль всего корабля. Когда мы подошли к корме, и я собирался повернуть к другому коридору, на площадку на корме с шумом выпала большая группа матросов, и среди них — пожилой мужчина лет 60-65 в пальто с каракулевым воротником и в такой же шапке "пирожком".

— Объявляю заседание революционного суда открытым. Кто будет обвинителем и кто защитником? — обратился к собравшимся, по-видимому, старший.

Выступил обвинитель:

— Из вашего дома стреляли в патруль красногвардейцев.

Относительно спокойно обвиняемый по фамилии Березовский начал объяснять, что там, где раздавались выстрелы, находятся несколько домов, расположенных друг к другу под углом, и что поэтому могло создаться неправильное представление о том, откуда стреляли. Могло возникнуть эхо, исказившее представление о направлении звуковой волны.

Это объяснение возмущенные матросы восприняли спокойно. Напряженная атмосфера стала рассеиваться.

После обвиняемого выступил пожилой матрос. Он высказал сомнение в вине обвиняемого. Прозвучал вопрос председателя:

— Кто за осуждение арестованного?

Никто не поднял руки.

— Вы свободны, можете отправляться домой, — обратился председатель к Березовскому.

Матросы заулыбались, обстановка сразу разрядилась.

— Проводите гражданина к выходу, — распорядился председатель.

Несколько матросов, доброжелательно хлопывая Березовского по спине, пошли провожать старого адвоката. При этом они набивали его карманы плитками шоколада и папиросами.

— Иди, батя, никто тебя не тронет, — сказали ему вслед матросы.

Понятно, в то бурное напряженное время все могло обернуться трагически. Не случайно же тогда популярна была песенка: "Эх, яблочко, куда котихься, на "Алмаз" попадешь, не воротишься".

Представшая передо мной картина "революционного суда" запомнилась мне на всю жизнь. Во время суда я очень волновался, рисуя себе страшный приговор. Ведь обвинение было нешуточным. Говорили, что Березовский вскоре исчез из Одессы, перебравшись через Румынию в Польшу. Впрочем, мои страшные предчувствия вскоре начали сбываться...

Языкова я так и не нашел на "Алмазе". Возвратившись к заседавшему там комитету, я спросил, где еще можно искать его. Председатель ответил: "Ищи на "Синопе" и на "Ростиславе".

Оба эти корабля стояли на рейде довольно далеко от берега. День клонился к вечеру.

Море было неспокойно, на волнах появились белые барашки. С пронзительными криками чайки носились над водой. Небо хмурилось. Интересующие меня корабли стояли на якорах, как заколдованные. Их команды, за исключением дежурных, были на берегу.

Я нашел старого лодочника, который согласился подвезти меня к "Синопу". Корабль защищали от мин опущенные металлические сетки. Подплыв к кораблю, я окликнул стоящего на вахте. На вопрос, что мне нужно, я ответил, что ищу среди арестованных Языкова. "Подождите!" — крикнул мне дежурный, по виду мичман, и ушел. Вскоре он возвратился и сказал, что среди арестованных такой не числится. Тогда я поплыл к "Ростиславу", который стоял от берега еще дальше. И на нем повторилось все то же: Языкова не было.

В общежитии меня с надеждой ждала жена капитана. Узнав результаты моих поисков, она начала ломать руки и кричать: "Его, наверное, уже нет в живых! Что я буду делать с ними?". При этом она указывала на трех девочек. Самая младшая с испуганным видом смотрела на меня, держа за мамину юбку. Тщетно я пытался их успокоить.

В тот же день я покинул общежитие, взяв с собой опустошенный чемоданчик.

В течение первых двух послереволюционных лет жизнь в Одессе была тяжелой. К традиционным проблемам любой революции добавлялись и те, которые присущи и оккупационным режимам, и даже бандитским наскокам. Цепь драматических событий прерывалась звеньями трагическими, например, многочисленными расстрелами и еврейскими погромами. В итоге у людей исчезала почва из-под ног, растерянность и испуг в те времена были почти естественным состоянием одесситов. И каждый день, проживший тогда в Одессе, был, по сути, оканным.

Подготовил к печати В.С. Серебро.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ Робкая догадка

Как часто бывает — слово-заноза сидит в голове — возникает вопрос, пытаться найти на него ответ. Любопытство частично удовлетворено, но "осадок", бывает, остается, что-то не до конца прояснилось...

Так было с "одесской" главой "Евгения Онегина". По поводу того, что "Там все Европой дышит, веет..." написаны тысячи страниц. Много лет тому назад у меня с Олегом Губарем завязался эпистолярный роман. Двадцать или чуть больше писем о "Евгении Онегине". На мои вопросы, какие-то наблюдения, предположения мой "конфидент" отвечал с присущей ему точностью и обстоятельностью. И все же, вопрос, что же так поразило А.С. Пушкина в Одессе, кроме того, о чем он сам поведал в романе, и о чем пишут многие пушкинисты, меня не отпускал. Не хватало какого-то звена, какого-то "кирпичика", чтобы стройное здание истории пушкинской Одессы показалось мне окончательно завершенным.

В те дни, когда мне были новы Все впечатления бытия...

Все, чем наслаждался Пушкин в европейской Одессе, упомянуто в онегинских строфах. А может, что-то в них не упомянуто из этих "впечатлений бытия", о которых вспоминает Пушкин в стихотворении "Демон"?

Первые впечатления постепенно вытесняются другими, может быть, более яркими, более эмоциональными. Я стала думать, каким могло быть первое, пусть мгновенное и поверхностное, но все же отложившееся на задворках памяти впечатление Пушкина?

Подсказка пришла неожиданно. Я вспомнила, как когда-то замечательный художник Юрий Егоров рассказывал о своем первом впечатлении от Одессы. Он приехал в Одессу впервые в 1935 году десятилетним мальчиком из Сталинграда: "Я впервые увидел европейский город — с каменной архитектурой. Ведь Сталинград до войны был преимущественно деревянным. А здесь, в Одессе, прямые улицы с прекрасными домами — каменными! Я такое видел впервые!".

Может быть, и Александр Сергеевич Пушкин, — мелькнула у меня робкая догадка, — удивился, созерцая прямые улицы (план Де Волана) и дома из камня (ведь "степь нагая там вокруг" (!)), этим новым впечатлением?

Не говоря уже о Москве, "спаленной пожаром" 1812 года, в Петербурге было множество деревянных домов. Конечно, не на Невском проспекте, не на Миллионной, не на Дворцовой и Английской набережных, а на Охте, Петербургской стороне, в Коломне, где после Лицея жил поэт. Те "впечатления бытия" потом припомнятся не только в "Домике в Коломне", но и в "Медном всаднике"...

Так что, возможно, не только упомянутое в одесской главе — торг обильный, язык Италии златой, вино, которое без пошлыни привезено, Casino, услужливый Отон, упительный Россини, разыскательный лорнет, солнце южное, море, — но и каменные дома Одессы сплелись в образ города, где все Европой дышит, веет?!

Чего ж вам более, друзья?

Благословенные края!

Светлана ЛАЗДИНА-МОГИЛЕВСКАЯ Мои Ближние Мельницы

Копалась в Интернете, и попала мне статья Ф. Кохрихта "Улица, улица, улица моя...". Цитата из статьи: "Но вернемся на столь любезные моему сердцу Ближние Мельницы. Четыре года назад я писал в "Одесском вестнике", что поскольку они связаны не только с жизнью Анны Ахматовой, но и Татьяны Тэсс (Сосюры), Зинаиды Райх (актрисы, жены Мейерхольда), может, стоило бы открыть на Ближних Мельницах музей, посвященный этим замечательным женщинам".

Этот уголок Одессы — родина семьи моей мамы и моя. Все, что я напишу, — это воспоминания моей дорогой мамочки Анны Марковны Гринчук, 1912 г. рождения (ушла от нас 5 февраля 2009 г. в полном сознании), и мои.

Бабушка Пелагея Еремеевна и дедушка Марк Леонтьевич Гринчук вместе с детьми жили на улице Токарева в доме № 4. От ул. Косовского до ул. Смирнова было расположено сплошное одноэтажное строение, в котором были двое ворот, в доме № 4 и № 6. Вход в дом № 2 был со стороны ул. Косовского, под № 1. Напротив дома вдоль всей улицы Токарева была стена Второго кладбища.

Особенностью многих жилых строений на Ближних Мельницах были окна, расположенные очень близко к земле (на 70-80 см). Брат Юра объяснил мне как инженер-строитель и архитектор, что это связано с глубиной заморозки почвы зимой. Со стороны улицы располагались жилые комнаты, поэтому такое расположение окон сохраняло в них тепло зимой и прохладу летом. А вход в дом со двора был на уровне земли, и окна располагались выше.

Меня мама родила тоже в этом доме, но в метрике у меня место рождения — г. Днепродзержинск, потому что там тогда работали родители. А так как я родилась дома, то зарегистрировать меня в Одессе тогда не имели права. Мама вспоминала акушерку, которая меня принимала, которая жила рядом, на ул. Смирнова, и врача Скотского. При этом присутствовали две мои бабушки, мамина — бабушка Поля, и папина — бабушка Аня.

На месте родного дома сегодня стоит административный корпус завода "Краян" — жестокий памятник бездумному и безжалостному уничтожению прекрасного, тихого и зеленого, уютного патриархального уголка Одессы, в котором долго сохранялись удивительные одесские традиции.

Что представляли собой дворы? Через ворота дома под № 2 попадаешь в квадратный двор, огороженный с двух сторон от соседних дворов каменным забором. Квартиры во дворе располагались слева и справа от ворот. Были они небольшие: 2-3 комнаты, кухня, коридор. В каждой квартире была печь, устроенная так, что основная часть ее находилась в кухне, а в комнате была "голландская часть" — груба, которая обогривала комнаты. Возле квартиры хозяина и квартиры дедушки были палисадники, к ним примыкали небольшие сараи, расположенные вдоль стены забора. Летом готовили на примусах, керосинках, керогазах. В противоположной стороне двора за невысокой изгородью был сад хозяина дома, общий погреб, прачечная, пекарня и туалет. Справа за туалетом в глубине сада был небольшой дом сторожа и дворника пана Кивики и его жены (по национальности румыны). В саду у хозяина росли яблоки и персики. Как и от кого был огорожен сад, — не помню, вероятно, мы туда не допускались. Особенностью дома был очень высокий чердак, который располагался над всеми квартирами, и на нем сушили белье. Никогда не сушили на улице. Лестницы на чердак были расположены слева и справа от ворот. Ворота постоянно были закрыты, входили через калитку, которую закрывали на ночь. Туалет во дворе был построен из ракушника на четыре кабины с дверьми. Внутри все было сделано из серого нешлифованного мрамора. Там всегда было чисто.

До войны во дворе жили четыре семьи. Слева от входа в углу — семья хозяина двора немца герра Ганса (фамилию не помнила даже мама) и семья пани Белецкой (поляки). Справа от ворот — семья пани Кацафан — цыганка, и дедушка с бабушкой — украинцы. Жили все соседи дружно, помогали, как могли, если возникала у кого-то нужда. Отмечали сообща семейные и другие праздники.

В прачечной в порядке заведенной очередности стирали и мылись. В пекарне была большая печь, в которой пекли хлеб, и перед Пасхой по очереди — куличи. Рядом с пекарней была еще открытая печь, на которой варили варенье, а чаще повидло в огромном медном тазу. Таз был собственностью двора, в нем варили до пуда повидла.

Я помню, как после войны вдоль ул. Токарева на биндуге с одной лошастью ездил ста-

рый дедушка Янкель, который возил хозяйкам рыбу, птицу, овощи, фрукты — этаким мини-базар. Выполнял заказы. Например, бабушка Поля заказывала осенью ему сливы-венгерки на повидло. Рассказывали, что дедушка Янкеля и его семью во время оккупации прятали в одном из домов на ул. Токарева, а когда боялись облав, то на кладбище в склепах. А за абрикосами для варенья мы с бабушкой ходили на ул. Пишенина в дом Сосюры, где был большой абрикосовый сад (к родителям Татьяны Тэсс). Отец Татьяны, если мне не изменяет память, был врачом. Бабушка с гордостью рассказывала об их дочери — знаменитость.

По ул. Токарева за ул. Пишенина было несколько больших домов, в одном из них жил управляющий железнодорожными мастерскими. У него была дочь Берта, которая училась в одном классе Мариинской гимназии с моей тетей Лизой и была ее подругой. Поэтому мамини старшие сестры ездили в гимназию вместе с Бертой на колеске ее отца — управляющего.

Сегодня на Молдаванку можно попасть пешком только через переезд по Воронцовке мимо Одессы-Малой. А раньше мы ходили еще долго после войны через подвесной только пешеходный мост, весь он был сварен из металлических конструкций, и только пешеходная часть, по которой шли, состояла из толстых досок. К мосту нужно было свернуть на ул. Косовского (там теперь ворота завода) и пройти вдоль забора (зданий железнодорожных мастерских). Там начинался мост, который висел над железнодорожными путями. Поднимались по ступенькам, довольно высоко. Спускались с моста рядом с развалинами Алексеевской церкви и попадали на Алексеевскую площадь. Так из дома на ул. Преображенской угол ул. Греческой мы ехали к бабушке на трамвае № 12, выходили возле Алексеевского рынка и шли через мост. Помоему, этот мост существовал до начала 60-х, потом доски на нем стали гнить, ходить стало опасно.

Немалую роль в жизни Ближних Мельниц играла и станция Одесса-Малая. Это был местный вокзал. Так, еще до войны, когда мы приезжали в Одессу, то не ехали до вокзала Одесса-Главная, а выходили на станции Одесса-Малая, а там рядом дом бабушки и дедушки. Правда, уезжать нужно было обязательно с вокзала — Одесса-Главная. Почему — не знаю.

Еще одна достопримечательность Ближних Мельниц — трамвай № 10. Проект линии электрического трамвая "Ближние Мельницы" был разработан Бельгийским обществом конно-железных дорог в 1908 г. Маршрут просуществовал до начала 60-х — по Ближним Мельницам от "Красного Креста", Воронцовки, мимо станции "Одесса-Малая", по улицам Косовского, Евдокимова, Пишенина. Здесь у аптеки была конечная остановка. Обратный трамвай следовал по улицам Пишенина, Молчановской, Косовского и дальше. Линия была однопутная. Разъезжались вагоны у "Красного Креста". В шестидесятых линию продлили до ул. Лагерной (Бреуса), потом к Черемушкам. Во время строительства корпусов "Краяна" трамвайную линию перенесли на Токарева, параллельно стене кладбища.

Мама вспоминала, что на Воронцовке в каком-то сарае или складе после революции открыли кинотеатр, где показывали немые фильмы. Там бывало очень душно и тесно. Ее брала с собой сестра Лиза, которая была поклонницей Веры Холодной, собирала открытки с ее изображением и старалась ей подражать, за что ей часто попадало от родителей.

После войны мы с братом на каникулы переселились к бабушке. Там в 1945 г. по протекции т. Лизы давала мне и брату уроки музыки ее гимназическая подруга Берта. В доме у бабушки было пианино фирмы *Karl Haas*. Потом пианино перевезли на ул. Преображенскую. В неделю бывало по три урока, на которые после школы мы ездили круглый год.

Дом фрау Берты (только так она требовала, чтобы ее называли) — это очень интересно. Мы проходили нарядную гостиную, а уроки бывали только в одной комнате — кабинет-библиотеке. Там стояло два рояля фирмы *J. Becker*: один черный с очень тугой клавиатурой (разрабатывали руку, играли гаммы и упражнения) и коричневый, очень добрый и прекрасно звучащий. На каждом рояле стояло по бутылке квадратной формы. В бутылке на черном рояле была немецкая деревушка: с домиками, кирхой, елками, детьми на санках и собачкой. Если ее перевернуть вверх дном, а потом поставить на место, то в деревне начинал медленно кружиться снег, а санки ехали вниз. Во второй бутылке было что-то похожее, но там была осень, падали листья, и было уже не так интересно. Переворачивать бутылки разрешали, только если выполнил урок на отлично.

Кроме роялей и бутылок в комнате было много книг в шкафах (в основном, на немецком языке), и на стеллажах толстые подписки старых дореволюционных газет. Газеты разрешалось смотреть. Но были там еще, кажется, шесть футлярчиков размером в половину небольшой книжки, где лежали флирты. О, флирт! Какие цитаты! А какое оформление! Это нужно было видеть, держать в руках, рассматривать и читать. О флирте, и как им пользовались, рассказывала бабушка Аня (папина мама). Один флирт был с надписью "Императорский". Все карточки в нем были выполнены на тонких пластинках из слоновой кости. Каждая цитата была написана рядом с чуть выпуклым камешком и названием этого камешка. В других футлярчиках были рядом с цитатами цветочки, ветки разных деревьев, символы городов с их названиями и т. д. Стать владелицей такого футлярчика я так сильно мечтала, что строила разные планы по ночам. Попросить? Об этом нечего было думать — просить нельзя.

В конце 1950 года фрау Берта заболела, уроки музыки продолжались в школе с другими педагогами.

И вот в 1956 г. почему-то моя т. Лиза повела меня к фрау Берте. Тетя шла ее, больную, проведать, несла ей какие-то лекарства, очень переживала, что у нее психическое расстройство. До сих пор я помню ужас, который испытала, когда мы вошли. В доме был полный разгром. Полы провалились. В гостиную по ореховым стульям с плюшевой болатного цвета обивкой скакали козы. Шкафов, стеллажей, книг и газет не было, они ушли в печь. Видимо, туда же — и флирты. У стены стоял облезлый черный рояль, потолок протекал.

С Ближними Мельницами и с ф. Бертой связано еще одно воспоминание. У нее был ученик Толя Витушкин, старше меня на четыре года, носил очки. Он родился в Москве, там жили его родители, но почему-то он жил у бабушки на Ближних Мельницах с 1946 г. И тоже учился игре на фортепиано. Ф. Берта находила у него незаурядные способности, пророчила, что он станет пианистом высокого класса. Но судьба распорядилась иначе.

Мы жили рядом с кладбищем. Я его боялась, даже смотреть в ту сторону боялась. А мальчишки пропадали там постоянно, лазили по склепам. Что только не приносили они оттуда! Среди многого попадались им и снаряды, и патроны, и гранаты. Вот такая одна и взорвалась, когда ее разбирали. В результате взрыва у Толи были повреждены два средних пальца на правой руке, вспышкой обожгло глаза. Родители забрали его в Москву, лечили. Его бабушка рассказала мне, что он с золотой медалью окончил школу, поступил в МГУ на механико-математический факультет. После получения диплома стал учиться в аспирантуре, но терять зрение. Защищал диссертацию — кандидатскую, потом докторскую. В 22 года практически потерял зрение.

Прошло много лет. В конце семидесятых я часто останавливалась во время командировок у своей подруги Гали на ул. Вавилова. Однажды мы возвращались с ней вместе, зашли в подъезд, стали подниматься по лестнице. Впереди шел мужчина с огромной собакой. Он остановился и обратился к Гале: "Галя! Кто с тобой только что разговаривал? Такой знакомый голос, а я не могу вспомнить, кто это". Галя ответила, что я ее подруга из Одессы. И тут он вдруг сказал, что это может быть только голос Светочки...

Завершу воспоминание Вторым христианским кладбищем. Его церковь — кажется, единственная в Одессе, которая продолжала работать во все времена и при всех властях. Яркими воспоминаниями остались шествие жителей окрестных улиц с фонариками в четверг вечером перед Пасхой. И очень испугавшее и поразившее впервые увиденное и услышанное действо в поминальное воскресенье в 1945 г. На кладбище мы пошли с бабушкой на могилу к дедушке (умер в ноябре 1941 г.). Людей было очень много, почти возле каждой могилы сидели люди. У многих были в руках аккордеоны, гармошки, и на полотенцах еда и питье. Раздавалась музыка и громкое пение. Было много пьяных. А на дорожках у многих женщин в руках были тарелки или блюда с коловом (отварная пшеница, перемешанная с сахаром и корицей и украшенная разноцветным мармеладом), которое раздавали одной ложкой всем в рот. Бабушка нас спасла от этого угощения. Ужас от этой традиции сохранился до сих пор.

Примечание:

Старые и новые названия улиц: Токарева — Авиационная, Пишенина — Ю. и И. Липы; Смирновская — Шота Руставели; Молчановская — Скворцова; Евдокимова — Ефимова.

Художник Виктор Самокатов

Жизненно биография художника многогранна. Родился в Одессе в творческой семье, мать Е.А. Некрасова — заслуженная артистка УССР, концертирующая пианистка, отец — капитан дальнего плавания. Виктор начал свой путь в Искусстве как пианист; он окончил школу-интернат им. проф. Столярского по классу фортепиано, получил и художественное образование — окончил художественную школу при Одесском государственном художественном музее, где обучался скульптуре и живописи.

В. Самокатов — победитель всесоюзного конкурса "Музыка — второе призвание...", причем лауреатства он удостоился, когда, временно бросив музыку, работал машинистом тепловоза на Одесско-Кишиневской железной дороге, при этом и в железнодорожном деле был тоже профессионалом, ведь он окончил и Государственный техникум железнодорожного транспорта им. Ф. Дзержинского. Затем вернулся к роялю и окончил Музыкально-педагогический институт им. Гнесиных по классу фортепиано. Был победителем всесоюзных и международных конкурсов, в том числе конкурса Маргариты Лонг в Париже в конце 1970-х годов... Карьера пианиста-исполнителя прервалась из-за ножевого ранения в левую руку...

Потом он стал строителем, работал заместителем генерального директора в строительной фирме "Паккард". Был завучем, далее и директором московской специальной музыкальной школы № 53, трудился и на дипломатическом поприще — был работником консульского отдела советского посольства в Варшаве, по возвращении работал в отделе культуры Кунцевского района Москвы, это в 1980-е годы... Как видим, деятельности у художника "в миру" было очень много, и тем не менее, его все равно стремил к изобразительному искусству, к берегам которого и "причалила" его душа, пройдя множество кругов по стремлинам жизни...

"Художник, как и музыкант, как и литератор, должен нести идею, в картине должен быть глубокий смысл, она делается не на один день. Создание картины — это способ выразить свой взгляд на жизнь — на религию, на отношение к детям, на любовь к месту, где ты родился... В отдельных нотах-звуках смысла нет, а если из нот создать мелодию, гармонией соединить ноты, получится музыкальное произведение... У художника же основной метод выражения — краски

и форма. И если есть возможность свои мысли красками перенести на холст, то это большая удача..." — говорит В. Самокатов.

Картина "Тревожный лунный свет" (2005) — призыв задуматься о том, что от великого Создателя мы получили чистую планету, а человечество ее не сохранило в первозданности — ни Всемирный потоп, ни Содом, ни Гоморра не научили человека относиться бережно к окружающему миру. В картине звучит гневное предупреждение Природы — человечеству.

О серии "Религия в современном городе" художник говорит: "Я не мыслю себя вне этой темы. Религия в цивилизованных странах всегда исторически была в центре государства и личности каждого, живущего в нем. Нет такой дороги, которая не вела бы к Храму. Церковь окружена современными зданиями, заводами, скоростными магистралями, и все равно дорога приведет к Храму, куда бы она ни вела..."

Серия "Религия в современном городе" одобрили отец Феодосий, игумен Савинно-Сторожевского монастыря, отец Алексей, настоятель церкви в Аксине... Серия обратила на себя внимание искусствоведа Третьяковской галереи Е.В. Бехтеевой.

Другая серия, "Крымские видения", берет исток от чистоты моря, от природной благодати крымской. Коронным в цикле "Крымские видения" считается холст "Птица счастья". Автор высказывает концепцию этого произведения: "Небо желает человеку добра и счастья: и его лучи, его послания, его птицы пройдут сквозь темные тучи и силы зла и достигнут жаждущей света земли!..."

Если посмотреть внимательно, то видно динамическое брение богатых по палитре световых и волновых импульсов с темными тонами... Работа исключительной цельности. Она не только емка по смыслу, но и исключительно эффектна. В ней особая, редко удающаяся современным художникам-абстракционистам художественная цельность.

Особенное значение в авторской коллекции Виктора Самокатова имеет произведение, названное "Астероид 2024". У работы своя пророческая история. Написана она в 2006 году. Цель была — изобразить летящее к Земле космическое тело. И вот в 2009 году обсерватория НАСА в США опубликовала фотографию реального астероида, который действительно стремительно приближается к Земле, и его направленный ход может пересечься с земной орбитой в 2024

году, что представляет опасность для нашей планеты. Так вот, художник точно изобразил интуитивно угаданным заранее, еще в 2006 году, вид летящей в безвоздушном пространстве гигантской стометровой небесной глыбы...

Однажды в Московском художественно-производственном комбинате Вучетича И. Глазунов увидел холст Виктора Самокатова "Начало". Он сказал директору комбината Александру Урсину, что приглашает это полотно на вернисаж "Илья Глазунов и его ученики", который состоялся в старом Большом Манеже.

"Начало" создавалось сложно — художник тренировался на вариантах оттенков, создавал игру цвета. Цвет вулкана, лавы, цвет магии — это цвет Первоначального взрыва, образовавшего Вселенную Красный цвет доминирует в картине, он, по мнению автора, хочет поглотить все сущее, и тогда все повторится сначала...

Есть и картины, в которых художник отдал дань Востоку. Вот большой и сильный восьмиугольный символ "Ба-Гуа", созерцание его несет благополучие в делах, в семье, покровительствует целеустремленным людям. Если "Тревожный лунный свет" несет тревогу невыполненной ответственности, то "Ба-Гуа" заряжает положительной энергией. В этой картине есть равновесие меж спокойной и очень гармоничной цветовой гаммой и спонтанной орнаментальной. Художник написал ее легко, за один вечер — ночь, тогда как другие его холсты рождались месяцами, "Тревожный лунный свет", например, писался очень долго, более четырех месяцев, поскольку его тема внутренне трагична, — Всевышний там осуждает за несправедность жизни на земле...

Есть у В. Самокатова работы, отмеченные особой творческой удачей, — "Композиция из треугольников" относится к их числу. Созерцание цветов и форм треугольников создает впечатление уравновешенного тонкого покоя... Эта чисто абстрактная работа за счет богатства оттенков фона не только видится богато объемной, но и несет в себе позитивную силу... Это основательное произведение, достойное музеев современного искусства. Кольца и шары, помещенные автором в правом верхнем углу холста, символизируют, по мысли художника, Недреманное око Космоса...

Оригинален холст "Свечение. Фантазия", затягивающий в себя круг белой круговерти

красок, в центре круг венчается темным пятном. Динамизм открытого цветового кружения дает порыв воображения к сотворению запредельных астральных миров. Как и в других произведениях художника, основа творческого метода тут — свободный импровизационный колоризм, создающий, прежде всего, цветовое впечатление. При создании этого произведения В. Самокатов использовал флуоресцентные краски. Этот холст находится в собственности московской галереи Фонда "Ардена".

"По прочтению "Тайны" Ронды Берн" — так называется абстрактная работа, созданная по мотивам книги "Тайна", повествующей о мировой энергетике каждого живого существа и всей Вселенной. Картина хранится на Кипре, в городе Лимассол, в галерее "Андроника". На ней автором сделана попытка передать дух книги, изобразить символически соотношенность человека и опускающей из космоса энергии...

"Голгофа" написана по впечатлению от посещения Иерусалима. Глубокий пастозный, широкомазочный, тонально богатый фон. На вершине горы, коей мы видим лишь вершину, — крест Христов — белей белизны! — и на двух его воскрылях повис золотой венец страдания, венец жертвы искупительной Сына Божия... Над крестом белый нимб, символ света предвечного, напоминающий полумесяц, — полумесяц обычно изображается на купольных крестах церквей в нижней части православного креста. Идея художника — вечное напоминание о Великой Жертве во имя жизни...

В. Самокатов ищет и находит духовные ориентиры в жизни и в творчестве, уже прошедшем несколько плодотворных и разнообразных по палитре и составу этапов. Его работы хранятся в частных собраниях, он постоянно принимает участие в арт-проектах во многих известных и именитых выставочных залах Москвы. Творческий путь талантливого и своеобразного художника интенсивно и изобретательно продолжается.

Станислав АЙДИНЯН,
вице-президент по общественным связям
Творческого союза профессиональных художников,
искусствовед Федерации "Акваживопись",
член Союза дизайнеров Москвы,
член правления Международной ассоциации
содействия культуре,
член Союза российских писателей,
член Конгресса литераторов Украины

Александр ГАЛЯС

Трауберг заслужил улицы

Двадцать лет назад, в ноябре 1990 года, в Москве умер Леонид Захарович Трауберг — режиссер, сценарист и педагог, "последний из могикан" блистательной плеяды создателей советского кинематографа. А жизненный его путь начинался в Одессе на улице Раскидайловской.

Отец будущего режиссера (точнее сказать, двух будущих режиссеров, поскольку и младший брат Леонид Захарович, Илья Трауберг, стал известным кинодокументалистом) работал репортером, семья жила небогато, тем не менее, Леонид учился во второй гимназии на Старопортофранковской (теперь там педагогический университет). Правда, от занятий сильно отвлекало раннее увлечение театром и общественной деятельностью. Тем более что ранняя его юность пришлась на бурный период революции и гражданской войны.

С одесским багажом знаний и впечатлений Л. Трауберг в начале 1920-х уехал в Петроград, где свел дружбу с еще более молодым, чем он, выходцем из Киева Гришей Козинцевым, результатом чего стало появление ФЭКСа (Фабрика эксцентрического актера), — творческой мастерской, откуда вышли Сергей Герасимов, Янина Жеймо, Елена Кузьмина, Алексей Каплер, Сергей Мартинсон и другие знаменитости советского кинематографа. В мировом киноведении ФЭКС считается образцовой творческой школой, тем более что со своими питомцами режиссеры сняли такие знаменитые картины, как "Шинель", "СВД", "Новый Вавилон", "Одна". В 1930-х снятая ими трилогия о Максиме имела колоссальный успех у советских зрителей. Содружество это, едва ли не самое яркое в истории мирового кино, распалось в 1946-м, после того как Сталин запретил выпускать на экраны фильм "Простые люди". Правда, еще во время войны Л. Трауберг

снял свой первый самостоятельный фильм "Актриса" с Борисом Бабочкиным. Опыт был удачным, однако в печально известный период "борьбы с космополитизмом" именно Л. Трауберг оказался одним из основных объектов травли, что заметно сказалось на его дальнейшей судьбе. Он, правда, снял еще несколько картин, среди которых — "Вольный ветер", где дебютировала юная одесситка Лионелла Скирда (Пырьева), будущая исполнительница главных ролей в "Братьях Карамазовых" и "Опасных гастролях", жена Ивана Пырьева и Олега Стриженова.

Но главным делом мастера отныне стала педагогика. По инициативе Л. Трауберга были созданы в Москве Высшие режиссерские курсы, где получили профессиональное образование многие известные мастера. А в 1980-х начали одна за другой появляться книги — "Фильм начинается", "Мир наизнанку", "Свежесть бытия" и др. В них то и дело мелькали воспоминания одесской юности. Это и привело меня в 1983-м году к старому режиссеру. Он болел, лежал в постели после недавно перенесенного инфаркта, что не мешало проговорить нам два с половиной часа. Затем, бывая в Москве, я еще не раз посещал мастера, и во время одной из бесед сделал запись на магнитофон. Хочу поделиться с читателями теми фрагментами, где Л. Трауберг говорит о своем родном городе.

— Я немало поездил по свету, жил в разных городах, по-своему замечательных. Но сердцем привязан больше всего к двум.

Ленинград... Здесь я встал на ноги, познал в полной мере муки и радости творчества. Здесь делал то главное, что отпущено мне было судьбой, — снимал фильмы. И — Одесса... Говоря словами Тютчева, "Тебя, как первую любовь...". Люблю свой родной город. Эту любовь — не только мою, но и

всей страны, — он заслужил. Своим трудом, борьбой, своими талантами. А еще — своей атмосферой.

Всем известна архитектура Ленинграда, ее воздействие на характер деятельности ленинградских художников, писателей, ученых, коммунистов. Одесса менее значительна по архитектуре, но ведь архитектура — это не только исторические памятники или дома. Это облик улиц, это характер, или, как когда-то говорили в Одессе, "трен жизни". Это отношение к жизни. А оно у одесситов всегда было, как говорят дипломаты, "свободное от протокола".

Что вливается в воронку памяти? Первые одесские комсомольцы, многие из которых потом стали "именами". Один из них — Тарас Костров, ему, редактору "Комсомольской правды", адресовано стихотворение Маяковского... Сережа Тарханов, позже парторг Кировского завода, он же советник нашей миссии в Китае, он же Эрберг, автор "Китайских новелл"... Чудесный парень Игнат с завода, фамилию его мало кто знал, звали просто Игнат, позже стал секретарем ЦК украинского комсомола, рано умер от чахотки... Странная организация "бойскаутов", о которой самые разноречивые толки; это и "подлая милитаристская банда", и вовсе неплохая "школа юных разведчиков". Я был одним из первых одесских бойскаутов, дослужился до начальника одесской дружины, в 1920 году стал заместителем приехавшего из Петрограда Сережи Васильева, того, что создал потом "Чапаева". В числе моих питомцев были братья Алеша и Павлик Вирские, второй стал руководителем всем известного танцевального ансамбля. Случилось так, что нам в качестве резиденции дали квартиру, которую занимало литературное объединение "Зеленая лампа". На этой почве возник конфликт, но благодаря ему я

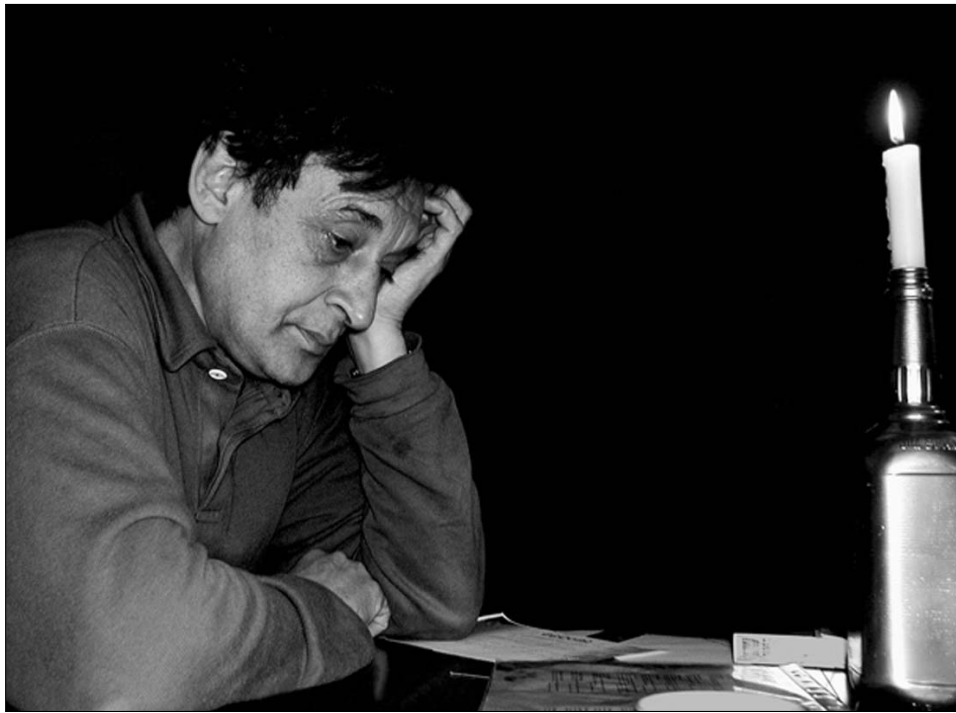
познакомился с Багрицким, Олешей, Леонидом Гроссманом (к Валентину Катаеву хода не имел).

Могу ли я после всего пережитого и увиденного в юности не любить свой родной город, не помнить о нем, не говорить о нем несвойственным мне, даже возвышенным тоном?!

Однажды я побывал в бельгийском городе Брюгге. И хотя я был в Париже, Лондоне, Венеции, но там увидел нечто поразительное. Брюгге — город-заповедник. Все дома — не выше трех этажей, разноцветные, почти все с треугольными крышами. По мостовой наряды с автомобилями разъезжают старинные фиакры, в каждом магазине продают сувениры. Я не предлагаю, разумеется, превратить Одессу в заповедник: не те масштабы. Но вот в Венеции нашли очень простой выход: старую Венецию с ее каналами оставили в неприкосновенности, а рядом построили новый город. Почему же не подумать о том, что по старым одесским улицам ходил Пушкин? Что здесь жил Гоголь? Учился Сергей Королев? Хотя бы в силу исторической памяти следует восстановить облик старого города...

Мне очень много лет. Не претендую на пост учителя, не собираюсь никого поучать. Но в одном я категорически убежден: величайшим качеством нашей деятельности является свежесть бытия. Непрерывное стремление к обновлению в сочетании с уважением к прошлому бытию. Эта свежесть всегда была отличительной чертой моего родного города. И для меня настолько важно, что я одессит, что лху себя надеждой написать когда-нибудь книгу, в которой смогу, наконец, сказать свое слово о городе, в котором родился...

Имя Леонида Трауберга стоит в одном ряду с величайшими мастерами мирового кино. И давно уже пора назвать в его честь одну из одесских улиц. В первой половине 1990-х в нашем городе прошла волна (да какая там волна — тайфун) переименований, нередко бессмысленных. Много ли, к примеру, было смысла в возвращении Раскидайловской? Так почему бы не назвать эту улицу в честь Леонида Трауберга?

Игорь ПОТОЦКИЙ

Не только об Одессе

29 НОЯБРЯ ИГОРЮ ИОСИФОВИЧУ ПОТОЦКОМУ ИСПОЛНИЛОСЬ 60 ЛЕТ. ПОЗДРАВЛЯЕМ!

На Дальнем Востоке

Природа от себя не отпускает,
а властно, словно женщина, зовет.
Леса какие и луна какая,
что по небу в вечерний час плывет!

У озера, где летом лебедь плавал,
весной опять поднимется трава.
Мне не нужна прижизненная слава,
но мне нужны высокие слова,

чтоб передать закаты и рассветы,
полян, стог, избушку лесника,
ведь если я умру, никто об этом
не скажет так, как я, наверняка!

Моя мама

Моя мама не щеголяла в дорогих нарядах,
а книгу читала или обед варила,
следила, чтобы в доме

был идеальный порядок,
при этом двух сыновей растила.
Порою так уставали руки,
что легкой книги они не держали,
а за окном метели и выюги
такие, что окна в доме дрожали.
Отец уходил рано, а возвращался поздно,
часто ночами пропадал на полигоне.
Маме снились черноморские звезды,
будто они лежали у нее на ладони.
Мы часто меняли гарнизоны —

так получилось,
вернее, так приказало начальство выше.
Мама улыбалась — никогда не сердилась,
мама говорила, что мы свое счастье ищем.
Ни для кого не была примером,
никто о ней не писал вдохновенно.
Моя мама была женой офицера
самой обыкновенной.

От города Бикина в тайге тревожной
происходит слово мое неосторожное,
дотошное, брошенное на первозданный снег,
потроженное, как колокол гулкий во сне.
И это слово, выглядевшее сурово,
срывается с губ моих бестолково
потерянной подковой, нашедшейся вновь,
не затерявшейся в шеренге слов.
Помогает мне выстоять в годину злую,
где я и радуюсь, и негодую,
обида просеиваю через сито,
а губы сжаты мои сердито,
а мысли стремительные витиеваты,
как таежные рассветы или закаты.

Я помню детство в гарнизоне
таежном, там дубов не счесть,
их шелестят ночами кроны,
что главное на свете — честь.

Совсем не делают карьеры,
а весело поют в ночи
молоденькие офицеры —
смутьяны, черти, трепачи.

И пьют они напропалую,
и анекдоты травят всласть,

не признавая никакой
полусомнительную власть.

В Одессе

Ты ко мне прибежала стремглав,
светом радостным напоила,
вся — мелодия летних трав,
ведь от них твоя звонкая сила.

И теперь мне грустить не резон,
пусть порою грущу я и плачу,
но историй придуманный фон
снова радость сулит и удачу.

Вновь волна за волною спешит
по странице возвышенной прозы,
и приезжих легко насмешит
тетя Роза на шумном Привозе.

Пройдем с тобою по Соборке,
как будто это в первый раз,
глотаю сладкий или горький
дым необыкновенных фраз,
построенных с таким расчетом,
что, как земля, они круглы
и ароматны, словно соты,
и мелодичны, и не злы.
Пройдем в свои воспоминания,
чтобы припомнить нам опять,
как говорливо утро раннее,
когда тиха морская гладь.
И музыка слышней далекая
из тех, запавших в память дней,
когда кружил я рядом соколом,
еще страшась руки твоей.
Но подхватила нас стремительно
невразумительная страсть,
и фонари мерцали мстительно,
всегда двоясь или троясь.
Фонарный свет в ночи блаженствовал,
как будто вражеская рать,
но поцелуй замкнул их шествие,
пусть повторится он опять
на той немислимой Соборке,
что вновь благословила нас,
глотаю сладкий или горький
дым необыкновенных фраз.

В той Польше благоданной,
хоть своенравной очень,
с тобой две ночи славных
то плачем, то хохочем.
И мне необходимо
с тобой по снегопаду
бродить, читать Тувима
последнюю балладу,
написанную в Лодзи...

Мой дедушка из Лодзи
имел капризных дочек.
И у одной из дочек
родился я — сыночек.
Я в Польше был наездом —
проездом из Парижа.
Под звездной стоял бездной
и голос деда слышал.
Он окликал двух дочек,
играл он с ними в жмурки.

Не знал, что я — сыночек
меньшой его дочурки.
Я слышал его голос
до самого вокзала.
И там, где тьма кололась,
вновь солнце проступало.

Краковские стихоплеты
в бархатные переплеты
оформляют перелеты
меж реальностью и сном.
Стиховая строчка вьется, набирая обороты,
а зима бесповоротно
покрывает все снежком.
Мы с тобой бродили долго
меж причудливых костелов.
Ты с нахальной улыбкой
снег ловила жадным ртом.
Не скрывала ты восторга
и была всю ночь веселой,
не хотела быть суровой,
радовалась, что вдвоем.
Нам казалось, что усталость
вновь в гостинице осталась,
что она нас не касалась
своим вдумчивым пером.
Ты меня поцеловала,
а потом в любви призналась,

но мне это показалось
самым быстрым в жизни сном.
В середине ночь — так поздно.
Падая снег совсем не грозно,
воздух был слегка морозным,
был весь Краков в серебре.
И сквозь тот морозный воздух
падали в ладони звезды,
словно радостные строчки,
обращенные к Тебе.

Сбежали мы, как двое пленных,
от страшных пыток —
садистских, мрачных, вдохновенных
чужих ухмылок.

Мы покидали поле брани
с тоскою лютый,
а дождь по стеклам барабанил
нашей каюты.

И плыл пейзажик мексиканский
от нас налево.
Вновь ярко проступили краски
вечерней сельвы.

Среди напыщенной и важной
испанской речи
дымилась кратеры отважно
холмов-наречий.

Но обходились мы без лавы
тех ярких звуков —
причерноморские дубравы
просились в руки.

Брожу по ночной Одессе
и восхищаюсь снова
случайно брошенным словом,
как будто оно из детства, —
протяжное и не злое,
возникшее из окна,
когда вся улица в зное,
совсем догнавшем меня.
И слышу — радость и мука —
я яркость внезапных слов,
произнесенных старухой
для внука, менявших покров,
как звезды над головою
и как платанов речь,
которая нас с тобой
могла в секунду увлечь.

Возьми припадок Потемкинской лестницы,
равнодушной к шарканью
туристов подошв,
постой над морем, где луна, свесившись
с неба, щебечет про вчерашний дождь.
Стань возле молчаливого Дюка,
не говоря с ним про свою боль,
а Дюк моментально начнет аукаться
с вечерней темнотой вместе с тобой.
Потом пройди случайным фраером
по Дерibasовской,
где красоток не счесть,
и можно потом уехать в Сараево,
если деньги на дорогу есть.

Как и водится, в апреле
с солнцем нерушима связь.
Пан играет на свирели,
на скамейке развалился.
Останавливая взгляды
совсем юных женихов,
хоровод ведут наяды,
пенье их — до облаков.
Бабка Шая, не мешая,
рядом с Паном разлеглась,
а Лаокоон решает
промолчать в последний раз.

В Санкт-Петербурге снова ветер
любовных чувств,
ведь не напрасно Вас я встретил —
опала грусть.

Мы целовались здесь, на Мойке,
и плыл июль,
и замерла душа в восторге
под поцелуй.

Здесь Вы опять читали Рильке,
и все нежней
звучал Ваш голос, как из книги
любой хорей.

Звенела вновь ночная площадь
на сто октав,
и дальше мчалась счастья лошадь,
словно состав.

И белой ночи колыханье,
стука в окно,
вновь легко путало дыханье
твое-мое.

Губ твоих забытьё
мне вернул мой Париж,
только Сена их вновь унесла
в догорающий день, где спокойно парил
белый ангел, расправив крыла.
Он парил и дарил нам улыбки, как встарь,
он кричал нам целановский стих,
где качался январь, и любовный нектар
пил из глаз задушевных твоих.
Я и сам опьянен тем волшебным вином,
и молитву твержу перед сном,
что мы будем вдвоем,
и не страшен нам гром,
потому что мы будем вдвоем.

Я не похож на мексиканского мачо
и не коплю тела женщин и девушек,
а вновь хочу,
чтобы со смехом и плачем
ты ко мне прижималась доверчиво.

Здесь, в Мексике, слепящее солнце,
птичка колибри пьет нектар цветка.
Хочу,
чтоб ты меня спасла от бессонницы,
как в детстве стремительная река.

Дай мне забыться
от недописанных строчек,
от груза чужих поэм и баллад.
Дай мне почувствовать этой ночью,
что в Одессе начинается снегопад.

Где были майя и ацтеки
и Солнца храмы,
остались сломанные вехи
столетней драмы.
И только черепа и кости
кругом из меди,
и смерть, как прежде, на погосте
своём не медлит.
И тяжелее амулета
судьбы излишки,
и бронза вечного поэта
блестит не слишком.
И в яркой той тьмутаракани —
почти без веса —
исчез, как прошлый век, в кармане
последний пес.

В том Амстердаме, где вещая птица
Сулила нам безоблачное счастье
На неделю, дождик беспутный все длится,
Как шупальца нашей с тобой страсти.

Он булькает по веселым лужам,
Сделав их своею добычей,
А темная туча над городом кружит
И не меняет своих обличей.

Стоят дома, как в шахматных клетках
Фигуры, застигнутые врасплох
Дождиком, который с ветки на ветку
Перепрыгивает
и в прыжках своих знает толк.

Ольга ДАРЬЯН

КРУГЛЫЙ СТОЛ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Однажды, когда сумерки легкой растушевой стерли границы предметов, и гостинная в туманном пространстве все еще не забытых ощущений расположилась возле Круглого стола, тоненькая Вазочка для Одного цветочка тихо спросила:

— Как это, ближе к Парижу?

— Неужели ты не понимаешь? — удивилась надменно медная Мельница для кофе. — Это так просто.

— Я бы сказал, что это не столь просто, как столь сложно, — звякнул Хрустальный Графоманчик.

— К чему усложнения, Граф? Париж — мечта, а мечта... она притупляет боль... — откликнулся Граненый Стакан, случайно оказавшийся в гостиной.

— Я так не думаю, — пропела Ликерная Рюмочка. — Мечта и есть боль, и тоска, и страдание.

Миниатюрные Часики червонного золота, прожившие сто лет одиночества, вдруг затикали, видимо, задетые за живое:

— Мы слышали, некоторые говорили: "Увидеть Париж и умереть!".

— Раз уж так необходимо умирать в Париже, то пусть это случится в Люксембургском саду, — произнесла задумчиво Цветочная Ваза, кокетливо играя угасающими хрустальными радужками.

— Хватит молотить чепуху! От вас ускользает смысл фразы! — Мельница для кофе даже позеленела от злости.

— Будьте так любезны, объясните, что все это значит? — попросила китайская Пиала с выжженными рисовыми зернышками.

— Не думаю, что вас обрадует услышанное, но если вы настаиваете... — проскрипела Мельница.

— Когда-то в Париж возможно было отправиться, но с билетом в один конец. Это значило остаться там навсегда. И было условие: бросить на произвол судьбы прежнюю

жизнь с любимыми кофейными чашечками LAVAZZA, Хрустальным Графоманчиком, Вечной Супницей, английским сервизом "DICKENS", Пурпурными Бокалами и всеми остальными из Стеклобанного Буфета.

— Как? — вскрикнула Пиала с выжженными рисовыми зернышками. — У меня на руках трое малюток, фарфоровые ложечки, они даже есть самостоятельно не умеют! Меня нельзя бросать!

— Мага и не бросила, — вздохнула Мельница. — Она осталась с вами. Но когда приходил конец кому-то из вас, вздыхала только печально и говорила: "Ближе к Парижу!".

Вечная Супница заволновалась:

— Да-да, помню! Когда перестраивались, Поднос не выдержал, рухнул, — и в черепки весь "DICKENS"! Мага сказала тогда: "Ближе к Парижу. Наверное, уже Булонский лес..."

— Ах, житие-битие... — посокрушался, как всегда, Кузнецовский Соусничек, сиротинка, один-одинешенек из, надо сказать, весьма многочисленной фамилии.

— Что же это получается, не могу сообразить? Когда никого из нас не останет, можно будет налегке укатить в Париж? — надулся китайский Чайничек для заварки.

Цветочная Ваза заиграла всеми цветами радуги:

— Не отчаивайтесь, любезнейший, сейчас уже не То время, и все летают в Париж с билетами туда и обратно, и налегке, так что можете спокойно продолжать ваши чайные церемонии.

— Будь проще, Красотка! "Ближе к Парижу" — это минимализм! — Граненому Стакану пора была возвращаться на кухню, и он любил сказать что-то этакое под занавес.

— Я слышала, в Люксембургском саду цветы необыкновенной красоты, особенно осенью роскошные розовые пионы... — Цветочная Ваза трогательно вздохнула...

Круглый Стол представил ее, искрящуюся

хрусталем с люксембургскими розовыми пионами и танцующими Пурпурными бокалами... Это было так красиво...

Но вдруг... во входную дверь коммунальной квартиры постучали.

— Кто бы это мог быть? — Мага взяла ключи и пошла отпирать.

Увы, за дверью не стояла Настоящая Промокшая до нитки Принцесса, да и дождь не лил как из ведра в тот вечер. У порога была обыкновенная Горошина и явно намеревалась войти. Маге пришлось посторониться и впустить незваную гостью. Широко расставленные глаза были старательно нарисованы и смотрели не мигая мимо всех. Кто бы мог подумать, что визит затянется на целых шесть лет, и Горошина займет место у Круглого Стола? Тогда это никому и в голову не пришло, видимо, Сумерки сделали свое дело, и утомленные размышлениями о кажущейся близости Парижа обитатели гостиной не поняли, что в течении их жизни Судьба поставила запятую.

С приходом Горошины дни выстроились в тоскливую шеренгу. И шеренгой этой командовала на дистанции Жильда Людвиговна (Ее Мать), тщательно отсортировывая праздники в свою сторону, а серые будни, заклеив трафаретом "Брак", оставляя Горошине. Горошину это устраивало, ведь на праздники она и так укатывала на материнскую Поляну, покидая нелюбимый Круглый Стол и непонятные ей чайные церемонии. Надо сказать, что и сам Круглый Стол многое теперь не понимал. Почему не горят свечи, не торжествуют Наполеоны, где же пропал последний Ланселот, и куда запропастилось веселье? Мага молчала. А бесчувственная Горошина лениво строила свою бракованную жизнь. Жизнь, однако, строиться не хотела, иногда сопротивлялась, иногда пыталась спастись и спрятавшись под слоем пыли и плесени.

Особенно Горошина терпеть не могла Стеклобаный Буфет. Неприязнь эта, видимо, тянулась со времен Ганса Христиана, когда с его легкой руки некая горошинка попала в музей.

Янина ЖЕЛТОК

РЕПУТАЦИЯ

Однажды теплым майским днем оператор Веня Бульбуляторов зашел в местечко под названием "На четырех ветрах". Это старинное культовое кафе находилось около Соборной площади. Бульбуляторов помнил это место с детства. Здесь всегда былолюдно и уютно по-особому. Сияла голубовато-белая кафельная плитка стен. Из вазочек подмигивали синими глазками искусственные лютки. Разноцветные бутерброды были готовы к самому неожиданному развитию событий.

Невозмутимая, как Будда, и ласковая, как Божья Мать, буфетчица Зина аккуратнейшим образом нарезала цитрусовый плод, будто только что скатившийся с картины импрессиониста. Перед ней стояли закуски двух видов: лимоны и соленые огурчики.

Надо сказать, что закусывать Бульбуляторов не собирался. Поэтому что уже второй месяц не пил спиртного.

— Водички стаканчик, — произнес он мягко, поздоровавшись с Зиной.

Буфетчица повернулась к Вене спиной, взяла бутылку водки и налила стакан.

Бульбуляторов видел, что она налила водку. Но ничего не сказал. Он принял стакан из рук будообразной Зины и выпил. Лимончик пришелся как раз кстати.

"Происходит необычное", — подумал Бульбуляторов. И напомнил себе, что на самом деле хотел воды, а не водки.

— Можно теперь воды? — спросил Бульбуляторов Зину.

— А как же! — ответила Зина, не выходя из своего медитативного, исцеляющего всякого, кто ока-

зался в Зинином поле, состояния. Она еще раз круганулась, наклонила бутылку и налила еще стакан.

Веня и тут промолчал. И снова выпил.

Потом он вышел из кафе, подошел к ларьку и приобрел вождельный "Боржом".

— Что с тобой стряслось? — воскликнул я, когда увидел раскрасневшегося Бульбуляторов на пороге моей квартиры.

— Я осознал важную вещь, — ответил Веня.

— Какую?

— Сегодня я понял, что такое репутация. Я много раз слышал мысль о том, что первую половину жизни человек работает на репутацию. Вторую половину — репутация на человека. А тут со мной как раз это и произошло.

И Веня рассказал свою историю.

— Просто Зина не могла поверить, что в один прекрасный день я изменю себе, — добавил он. — Поэтому я развязал. Наливай!

БЫТЬ "ТОЛСТОМУ" РУССКОМУ ЖУРНАЛУ!

Держу в руках "одесский" выпуск журнала "Дон"...

— Тот самый "Дон"?

— Тот самый.

Это вопрос предполагаемый, потому что сегодня интерес к "толстым" журналам велик, как невелик интерес вообще к печатному слову без глянца и гламура, без "желтизны". Но я не о причинах хотела бы поговорить (их много, и одна из самых главных — духовное обнищание, на мой взгляд), я непосредственно о самом журнале "Дон" — в целом, и о номере, который держу в руках, в частности.

Пожалуй, начну с того, что "Дон" является одним из старейших периодических печатных изданий — не так давно журнал отметил свой 85-летний юбилей.

А у истоков создания журнала стоял А.А. Фадеев. В разное время с журналом сотрудничали К. Паустовский, С. Михалков, Р. Гамзатов, М. Шолохов... Название "Дон" журнал носит с 1957 года и по сегодняшний день, являясь печатным органом Союза писателей России. Первый номер журнала под названием "Дон" открывал рассказ Михаила Шолохова "Судьба человека". Вот такое замечательное историческое прошлое у этого журнала... С 1991 года журнал перешел на сдвоенные номера, что, кстати, практиковалось лишь в военные годы. Именно в таком сдвоенном номере № 7-8 за нынешний, 2010-й год, и опубликованы работы одесских

литераторов: номер имеет подназвание "Литературное кольцо Одессы".

Авторы, представленные в нем, настолько самобытны, что о каждом из них можно и нужно говорить индивидуально, отмечая и авторский стиль, и "свое лицо", и тот самый, ставший притчей во языцех, но столь необходимый каждому, отжившемуся "прийти и говорить", свой почерк. Поэзия, проза, эссеистика, публицистика — как видите, присутствуют все жанры, кроме скучного.

Хотелось бы отметить две характерные особенности, объединяющие авторов разных поколений, направлений и жанров. Первая — это, несомненно, любовь к родному городу, которой одесситы славятся всегда. Вторая — это то, что практически все ныне живущие авторы (а в журнале представлены также произведения одесских авторов "серебряного" века) являются членами Южно-русского Союза писателей, что само по себе уже говорит о многом.

Возрождая и продолжая хорошую, добрую традицию тех "толстых" журналов, слухами о которых до сих пор земля полнится, журнал "Дон" предоставляет возможность публикации современным литераторам, живущим в одном "сегодня" с читателями. Ведь, в сущности, к чему сводится содержание большинства подобного рода изданий сегодня? К публикации классики. К публикации того, что замалчивалось, запрещалось, каралось. К публикации того, что проросло сквозь

многочисленные запреты ростками самиздата. Может быть, это дань прошлому "незамечанию" и замалчиванию?

Что ж, вполне понятно желание реабилитировать и реабилитироваться самим. Но живущим и жаждущим Слова (есть и такие еще, не перевелись, поверьте) в "сегодня" читать современников просто необходимо. А учитывая то, что издаваться сегодня может далеко не каждый литератор, а тот, кто может, делает это за свой счет, как правило, и малыми тиражами, "толстые" журналы — единственный портал в современную литературу. Кроме Интернета, конечно, у которого полно преимуществ перед печатными изданиями, но есть и существенные недостатки. И кроме всего прочего, формат журнала "Дон" мне показался удобным и... уютным, что ли...

Сколько себя помню, родители хранили подшивки "толстых" журналов в стопках: друг на друге — отчасти из-за нехватки места, но в основном — из-за не очень удобного формата. На стандартную книжную полку не поставить... С "Доном" же этот вопрос "места под солнцем" решается довольно легко и просто, благодаря нестандартному для "толстого" журнала формату: его совершенно свободно можно поставить на книжную полку и так же свободно можно снять оттуда, не чертыхаясь, отыскивая, в какой кипе лежит он, вождельный "одесский" номер.

Ничуть не пытаюсь приукрасить, говоря так, ведь содержание "Дона" тоже "уютно" и многообещающе. Да вот, не угодно ли: Юрий Михайлик, Ефим Ярошевский, Ольга Ильницкая, Евгений Голубовский, Сергей Главацкий, Евгения Краснаярова, Виктория

Колтунова, Александр Леонтьев, Анна Стреминская, Сергей Шаманов, Татьяна Орбатова, Юлия Петрусевич, Алан Остинин... Стоит ли продолжать? Не лучше ли открыть любой выпуск российского общественно-политического литературного журнала "Дон" и убедиться в том, что новая русская литература существует?

В заключение позволю себе привести цитату из статьи Л. Троцкого, которая была опубликована в газете "Киевская мысль" (№№ 75, 78; 16, 19 марта 1914 года): "Когда мы говорим о "толстом журнале" как об общественно-литературном типе, то имеем всегда в виду не просто периодически выходящие книжки, в которых критики критикуют, поэты слагают рифмованные строки, профессоры рассказывают о новых течениях в естествознании, — нет, мы имеем в виду журнал как духовный фокус известной общественной группировки, как некий кивот завета, словом, наш, русский, толстый журнал. И достаточно легко представить себе указанные нами выше общественные корни этого журнала, чтобы тем самым определить его исторические границы. Русскому журналу наступит конец тогда, когда наступит конец мессианизму русской интеллигенции".

Думаю, будет излишне утверждать и убеждать кого-либо, что "конец мессианизму русской интеллигенции" не наступит, следовательно, не наступит конец и русскому "толстому" журналу, а уж такому журналу, как "Дон", — БЫТЬ!

Людмила ШАРГА,
член Южнорусского Союза писателей,
член Конгресса литераторов Украины

Олег ГУБАРЬ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБЫТЫХ ОДЕССИТОВ

"Наши садовые музыкальные удовольствия"

То были, собственно говоря, единственные развлечения большинства одесситов на протяжении всего XIX столетия. Духовые и инструментальные оркестры улаждали горожан в Казенном саду, на Приморском бульваре, в Пале-Рояле, а летом еще и на открытых публике обширных приморских дачах — "Бель-вю" (Ланжерон), "Флора", Лидерса, Роте и проч. Инструментальные коллективы, как правило, превосходили духовые по уровню музыкальной грамотности и исполнительского мастерства. В этом нет ничего удивительного, поскольку вторые представляли собой собственно "хоры военной музыки", где не так часто встречались профессионалы. Однако руководители, военные капельмейстеры, обычно демонстрировали как раз высочайший профессионализм, занимались аранжировкой тогдашних "хитов" — фрагментов опер, оперетт, народных песен, романсов, танцев, маршей и проч., сами много писали, умели в короткие сроки обучить новобранцев.

В престижных заведениях и садах первенствовали (1860-1870-е), конечно, инструменталисты — оркестры бывших музыкантов Городского театра Розетти, Прауса, Лупашко, Банкевича, выступавшие в знаменитой реставрации Алексея, в саду Благородного собрания и т. п. Здесь же гастролировали зарубежные мастера, такие солидные, как, например, "Филармония-Германия", национальный венгерский оркестр под управлением Балаша Кальмана, "Общество тирольских немцев", давали сольные концерты лучшие одесские скрипачи Жорж Франк и Карл Бабушка.

Несмотря на довольно устойчивые классические музыкальные традиции — Городской театр функционировал во временном помещении еще до постройки собственного здания, с середины 1800-х, — массовая культура оставалась потребительской. Как отмечали местные СМИ, ремесленные головы выдают "аттестат на звание мастера музыкального искусства", опираясь на экспертов в лицах сапожника, портного, маляра и столяра, причем экзамен заключается в прослушивании исполняемой испытуемым песни "Во поле березка стояла". "Не говоря о садах и цирке, где действуют оркестры гг. Розетти, Прауса, Лупашки и др., — сообщается в "Одесском вестнике", — все трактирные заведения снабжены музыкантами. Еще в отдалении можно услышать эту музыку, выполняемую с особым азартом: СКРЫПКА, кларнет, флейта, труба, бас и неизменный барабан — дают о себе знать. Заезжий, пожалуй, подумает, что Одесса музыкальнейший город в Европе. Между тем, если приходится приискать сносный небольшой оркестр, могущий сыграть толково ТАНЦОВАЛЬНУЮ пьеску, то это достигается только при особой старательности и хождении. И это там, где чуть-чуть не существует консерватория?"

Александр Людвигович Бернарди, о котором я хочу немного рассказать, — из тех подвижников, которые самозабвенно внедряют культуру в массы. Сын купца итальянского происхождения, он получил превосходное музыкальное образование, и в середине 1870-х управлял дивизионным духовым военным оркестром. Композитором и капельмейстером (плюс дирижером в Городском театре, а далее в частной опере в Москве) был и его сын Александр Александрович (1867-1943). Вообще говоря, семейство Бернарди прославилось тем, что в 1885 году учредило собственную нотопечатню — первую или, по крайней мере, одну из первых на Юге России. Другие аспекты их вкрапленности в общественный быт исследователей как-то не интересовали. А между тем роль Бернарди в эволюции музыкальной культуры Одессы довольно значима.

Имея в своем распоряжении посредственных, а то и откровенно слабых исполнителей, солдат, А.Л. Бернарди очень умело распорядился этими минимальными ресурсами. Разумеется, он стремился натаскать их в короткие сроки, за один год, однако и тогда оставались, казалось, неразрешимые проблемы. Действительно, как он мог конкурировать с зарекомендовавшими себя профес-

сионалами высокой пробы? Талантливый, трудолюбивый, изобретательный итальянец нашел другие возможности. Прежде всего, он тщательно подбирал репертуар, рассчитанный на широкого потребителя, от знатока оперной классики до любителя экзотического фольклора. Но при этом предумышленно избегал отдельных произведений, технически неподвластных его нижним чинам. Тем не менее, в репертуар его оркестра входили попури из опер "Гугеноты", "Аида", "Жизнь за царя", "Фауст", "Норма", "Травиата" и др., знаменитая увертюра из "Вильгельма Телля", "Комаринская" Глинки и т. д., не говоря уже о многочисленных маршах, польках, кадрилих, мазурках, включая написанные собственноручно, так сказать, на злобу дня.

Следующее мое заявление может показаться читателю слишком смелым, неправдоподобным, некорректным, и тем не менее, я утверждаю, что именно Бернарди впервые (вероятно, не только в Одессе) ввел в широкий обиход эстрадные световые и звуковые эффекты, а равно элементы джазовой культуры, по существу, сделался шоуменом. Эти нововведения, конечно, воспринимались консервативной частью общества неоднозначно, часто негативно. "Исполняя самые антимузыкальные вещи, — возмущается один из корреспондентов, — он освещает себя бенгальскими огнями, пускает ракеты, заставляет музыкантов петь, мяукать и т. п., чем и вызывает неистовые восторги неприхотливой толпы". В другой рецензии коллектив Бернарди именуют "военной бандой", что весьма показательно. Действительно, слова "банда" и "бандит" в русском лексиконе тогда в принципе не употреблялись, по крайней мере, в позднейшем своем значении. То есть "военная банда" в данном хронологическом контексте, пожалуй, сродни какому-нибудь джаз-бэнду. Банде Бернарди в печати противопоставляют выступавший в саду ресторации А.Ф. Алексея, рафинированный оркестр Иоганна Фидмана, преемника упоминавшегося Анатолия Банкевича, способнейшего музыканта, умершего от чахотки на 34-м году жизни.

В конце концов, Бернарди решил публично объяснить как со своими почитателями, так и с хулителями. "Люди, составляющие военный оркестр, — пишет он в "Одесском вестнике", — не артисты, а простые музыканты, начавшие музыкальную школу с азбуки и через год ученья поступившие в хор; каких же достоинств можно требовать от них? Публика хорошо понимает, что дивизионный хор трудится и старается по возможности лучше исполнять свои пьесы и тем угодить ей". Что касается серьезности обучения солдат, оно подтверждается перечисленным выше классическим репертуаром.

Полемика в прессе продолжилась. Из нее мы, в частности, узнаем от сторонников, что А.Л. Бернарди "давно и серьезно занимается музыкой, написал и напечатал более 200 сочинений (некоторые в Одессе)", что он "имеет дело с совершенно сырым в музыкальном смысле материалом — русскими солдатами". "Что касается до антимузыкальных эффектов, — продолжает автор одной из заметок, — то вкус большинства публики вынуждает прибегать к ним обоим нашим капельмейстерам".

До создания собственной печатни Бернарди пользовался услугами других одесских издателей. Специально сочиненная им увертюра исполнялась еще осенью 1874 года на открытии театра Великанова — будущего Русского драматического театра имени Иванова. Его марши, мазурки, польки и проч. постоянно звучали в одесских клубах. Постепенно Бернарди отошел от активной концертной деятельности, как бы передав полномочия талантливому сыну, сосредоточился на издании и реализацией нот. Как владельцы местной "нотопечатной фабрики" семейство Бернарди упоминается в числе жертвователей на Пушкинское убежище тружеников печатного дела в Одессе. Александр Людвигович ушел из жизни 9 марта 1889 года, фирму унаследовала супруга Елисавета Павловна.

На могильной плите были выгравированы ноты — очевидно, фрагмент одного из произведений Бернарди. Мне кажется, было бы очень уместно вспомнить об этом человеке на ежегодно проводящихся в нашем городе театральном (как раз в помещении Русского театра) и джазовом фестивалях исполнением избранных его музыкальных миниатюр.

Чиновник по особым поручениям

Егор (Георг) Васильевич Зонтаг (1786-1841), рельефный персонаж ранней истории Одессы, военный моряк, впоследствии гражданский чиновник в штате графа М.С. Воронцова. Американец немецкого происхождения, уроженец Филадельфии, сын активного участника войны за независимость США, штурман американского корабля "Оса", Зонтаг в 1811 году поступил в российский Черноморский флот в чине лейтенанта. Два года спустя перешел в Дерптский конно-егерский полк, участвовал в европейских походах и сражениях, в 1814-м в составе союзных войск вступил в Париж уже в чине майора. В это время и завязались дружеские отношения с Воронцовым и другими видными офицерами.

По окончании военных действий Зонтаг, отмеченный наградами, в том числе орденом Св. Владимира 4-й степени, получил двухлетний отпуск, предположил съездить на родину. Тут-то и начались невероятные приключения в духе Стивенсона и Сабатини. Политическая ситуация тогда явно не благоприятствовала его намерениям, поскольку Англия вступила в открытую конфронтацию с Северо-Американскими Штатами, а Россия в тот период была ее союзницей. Появление русского строевого офицера в Филадельфии могло быть неверно истолковано в дипломатических кругах. Поэтому британский министр иностранных дел Р.С. Каслри препятствовал Зонтагу в получении разрешения на отплытие.

Повидавший виды на суше и на море боевой офицер, однако, нашел выход из положения. Проведав о том, что в Нанте стоит на якоре корсарский корабль из Америки, он решительно туда направился, просто-напросто купил это судно и таким образом сделался корсарским капитаном. Затем Зонтаг смело пересек Атлантику, причем неоднократно вступал в бой с англичанами, стремившимися ему помешать, и даже топил их парусники. Встреча с отчим домом уже маячила на горизонте, но тут, как водится в пиратских романах, взбунтовалась команда. Причины, вероятно, в том, что моряки небезосновательно опасались преследований на родине. Разношерстный экипаж принудил капитана повернуть в Сан-Сальвадор. Здесь, впрочем, дело решало законным порядком, и Зонтаг выиграл судебную тяжбу против подчиненных. Тем не менее, после всех означенных событий ему самому стало ясно, что с визитом в Филадельфию придется повременить.

"Корсар в отставке" направился в Рио-де-Жанейро, где находилась резиденция российского консула, причем пост сей, по счастью, занимал тогда блистательный человек — опытный дипломат, ученый, путешественник Г.И. Лангсдорф. Довольно сказать, что он был участником экспедиций И.Ф. Крузенштерна. Консул и в самом деле принял нашего скитальца с распростертыми объятиями, подивился его приключениям и, не скрывая восхищения, докладывал об этом знакомстве в Коллегию иностранных дел. Лангсдорф представил Зонтага американскому посланнику в Бразилии Т. Самтеру, помог продать "пиратский корабль" и вернуться в Россию.

С 1816 года Зонтаг снова служил на судах Черноморского флота, а в 1817-м женился на Анне Петровне Зонтаг, урожденной Юшковой, известной впоследствии детской писательнице, племяннице В.А. Жуковского. Чета Зонтагов некоторое время прожила в Николаеве, а затем (не позднее 1825 года)

капитально обосновалась в Одессе. Им принадлежал дом в будущем Воронцовском переулке и обширный загородный хутор, которые посещал В.А. Жуковский и многие другие известные исторические персонажи. В чине капитан-лейтенанта Зонтаг служил командиром одесского карантинного порта, затем был инспектором портового карантинного, чиновником по особым поручениям при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе, членом Комиссии новороссийских пароходов (директором Компании Черноморского пароходства — до 8 февраля 1838 г.), исполнял обязанности градоначальника с 16 апреля по 1 августа 1831 года, деятельно участвовал в организации госпиталей и снабжении действующей армии в ходе русско-турецкой кампании 1828-1829 годов, ликвидации чумных эпидемий 1829 и 1837 годов, состоял пайщиком Компании артезианских колодезь, занимался благотворительностью. Любопытно, что, принимая от левантских мореходов крайне дефицитный в городе материал, экзотические породы камня, Зонтаг обнаружил два античных барельефа, которые передал в местный музей древностей. Благодаря участию Воронцова, он получил несколько внеочередных повышений, надо отметить, более чем заслуженных.

Посетивший Одессу в 1835 году американский путешественник гостил в доме и на хуторе Зонтага, рассказывал о собранной хозяином превосходной "американской библиотеке", включавшей массу свежих периодических изданий, справочников, карт, гравюр, книг Ф. Купера, В. Ирвинга и др. Выписывая американские книги и периодику, Егор Васильевич, в свою очередь, отправлял в Филадельфию "Одесский вестник". Дочь Зонтагов хорошо владела английским, спела гостью "Вива, Колумбия" и "Янки Дудль", аккомпанируя себе на рояле. Мария Егоровна Зонтаг вышла замуж за австрийского консула в Одессе, доктора юриспруденции Людвига Леопольдовича фон Гутманстала, дружила с Львом Сергеевичем Пушкиным, написала очерк "Поединок и кончина Пушкина на итальянской сцене", очень активно сотрудничала в Одесском женском благотворительном обществе.

И еще характерный эпизод. Осенью 1826 года у одесских берегов разыгрался свирепый шторм, сорвавший с якорей и бросивший на мель военный транспорт "Успех". Все меры, употребленные офицерами военной брандвахты для снятия корабля с мели, оказались тщетными. Опытные навигаторы собрались на совещание, ничего дельного придумать не могли, а тем временем судно подвергалось все большей опасности. Тут некий умник из руководства флотом "предложил только ко всеобщему удивлению употребить паровую машину для очистки фарватера и проводки транспорта в гавань". "В таком положении, — сообщается далее в архивном документе, — капитан одесского карантинного порта флота капитан-лейтенант Зонтаг оказал важное пособие своими сведениями и опытностью. Он тотчас по призыву его решительно и благоразумною мерою, без всяких издержек спас транспорт, поворотив оный на бок и таким образом проведя его по мели". Тогда-то Воронцов и ходатайствовал впервые о поощрении отличившегося офицера чинами.

Известно, что, как и многие представители его круга, Зонтаг состоял членом одной из масонских лож — по крайней мере, до их официального запрещения в 1822 году. О кончине его местная газета лишь упоминает, некролога в полном смысле этого слова не поместили. Могила в середине 1930-х уничтожена в числе многих тысяч других могил Старого кладбища. Когда размышляю об этом ярком человеке, невольно вспоминаю пушкинские строки: "Завидую тебе, питомец моря смелый..."

Электронный справочник "Они оставили след в истории Одессы" выпущен Всемирным клубом одесситов совместно со студией "Нулевой километр". В справочнике 750 авторских текстов, посвященных ученым, писателям, художникам, спортсменам, прославившим наш город. Приобрести диск можно в студии "Нулевой километр", которая располагается в помещениях Всемирного клуба одесситов на ул. Маразлиевской, 7.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.